

МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 4

(ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

2025 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца

Официальный сайт журнала: <https://moscow-science.online>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90666 от 29 января 2026 г.)

МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Ежеквартальный научный сетевой журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по гуманитарным, общественным наукам. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями в сфере гуманитарных и общественных наук.

Главный редактор: Грудцына Людмила Юрьевна

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Тарыгина Дарья Александровна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://moscow-science.online>

E-mail: editor@mipo.online

WhatsApp: +7-977-672-55-22

При использовании опубликованных материалов ссылка на научный журнал «Московский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

- *Дорская Александра Андреевна*, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

- *Мионов Василий Олегович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

- *Усанов Владимир Евгеньевич*, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

- *Шайхуллин Марат Селирович*, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

- *Эриашвили Нодари Дарчоевич*, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Grudtsyna Ludmila Yuryevna, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional and International Law,
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

- *Dorskaya Alexandra Andreevna*, Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.
- *Mironov Vasily Olegovich*, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.
- *Usanov Vladimir Evgenievich*, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.
- *Shaikhullin Marat Selirovich*, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.
- *Eriashvili Nodari Darchojevic*, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН.

• **А.П. Галоганов**, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **А.В. Рагулин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia,
Expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov**, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov**, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **A.V. Ragulin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev**, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

СОДЕРЖАНИЕ:

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Каллагов Т. Э. * Правовые основы конституционного статуса Президента Российской Федерации 9
- Авдеев М. Ю. * Конституционно-правовая природа понятия «частная жизнь» 14

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Грудцына Л. Ю. * Публичное и частное право в системе отношений государства и гражданского общества 19

ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Иванова С. А. * Частное и публичное право в экономическом развитии предпосылок формирования гражданского общества 27
- Лутовинова Н. В. * Договор доверительного управления исключительными правами 31

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

- Быков И. И. * Банковская деятельность в России: исторический аспект (1990–2005 гг.) 34
- Газимагомедов М. А. * Историческая модель организации деятельности судов в СССР 46
- Грудцына Л. Ю. * Исторические аспекты формирования государством институтов гражданского общества в России 51

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Шайхуллин М. С. * Уголовно-правовые и иные меры борьбы с незаконным оборотом алкогольной продукции после революции 1917 года 57

CONTENTS:

CONSTITUTIONAL LAW

- Kallagov T. E. * Legal basis of the constitutional status of the president of the Russian Federation 9
- Avdeev M. Y. * Constitutional and legal nature of the concept of «private life» 14

PUBLIC LAW

- Grudtsina L. Y. * Public private and law in the system of relations between the state and civil society 19

PRIVATE LAW

- Ivanova S. A. * Private and public law in the economic development of the formation of civil society 27
- Lutovinova N. V. * The exclusive rights trust agreement 31

HISTORY OF THE ISSUE

- Bykov I. I. * Banking in Russia: historical aspect (1990-2005) 34
- Gazimagomedov M. A. * Historical model of organizing court activities in the USSR 46
- Grudtsina L. Y. * Historical aspects of the formation of civil society institutions by the state in Russia 51

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Shaikhullin M. S. * Criminal law and other measures to combat illicit trafficking in alcoholic beverages after the 1917 revolution 57

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.11.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2025 г.

КАЛЛАГОВ Таймураз Эльбрусович,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Место Президента Российской Федерации в системе федеральных государственных органов власти определяется его конституционным статусом. В связи с этим он выполняет следующие функции. Как глава государства, он является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, принимает меры к охране суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласование власти (статья 80 Конституции Российской Федерации).

Ключевые слова: президент, органы государственной власти, конституция, права человека, целостность государства.

KALLAGOV Taimuraz Elbrusovich,
Candidate of Law

LEGAL BASIS OF THE CONSTITUTIONAL STATUS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The position of the President of the Russian Federation within the system of federal government bodies is determined by his constitutional status. Therefore, he performs the following functions. As head of state, he is the guarantor of the Constitution of the Russian Federation, the rights and freedoms of man and citizen, takes measures to protect the sovereignty of the Russian Federation, its independence, and state integrity, and ensures the coordination of power (Article 80 of the Constitution of the Russian Federation).

Key words: president, government bodies, constitution, human rights, state integrity.

Президент Российской Федерации (далее – Президент РФ) как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях. Свои полномочия он получает непосредственно от народа, избирается на четыре года гражданами России на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Избранным может быть гражданин РФ не моложе 35 лет, постоянно проживающий в России не менее 10 лет. Порядок выборов Президента РФ определяется федеральным законом (ст. 81).

Досрочное прекращение полномочий Президента РФ возможно в случаях отставки, стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, отрешения от должности (ст. 92).

Гарантией против установления режима личной власти является положение Конституции о невозможности занятия должности Президента РФ одним и тем же лицом более двух сроков подряд (ст. 81).

Вступление в должность Президента РФ свя-

зано с принесением им в торжественной обстановке в присутствии членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного Суда присяги, текст которой определен Конституцией РФ (ст. 82).

Полномочия Президента РФ определены Конституцией РФ (ст. 83–90 и др.). Их можно классифицировать по нескольким группам.

Полномочия Президента РФ в связи с формированием федеральных органов государственной власти и Аппарата Президента: назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства РФ; принимает решение об отставке Правительства РФ; по предложению Председателя Правительства РФ назначает на должность и освобождает от нее заместителей Председателя Правительства РФ федеральных министров; представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность Председателя Центрального банка РФ и ставит перед ней вопрос об освобождении от должности Председателя Центрального банка РФ; Представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного, Верховного,

Высшего Арбитражного Судов РФ, кандидатуру Генерального прокурора РФ; вносит в Совет Федерации предложение об освобождении от должности Генерального прокурора; формирует и возглавляет Совет Безопасности РФ; формирует администрацию Президента РФ; назначает и освобождает полномочных представителей Президента РФ.

Полномочия Президента РФ в связи с деятельностью Федерального Собрания: назначает выборы Государственной Думы и референдум, вносит законопроекты в Государственную Думу, подписывает и обнародует федеральные законы, обращается к Федеральному Собранию с ежегодным посланием о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Президент РФ может распустить Государственную Думу в трех случаях: а) после трехкратного отклонения представленных Президентом РФ кандидатур Председателя Правительства РФ; б) если Государственная Дума в течение трех месяцев после выражения ею недоверия Правительству РФ повторно выразит такое недоверие; в) если Государственная Дума отказывается в доверии Правительству после постановки такого вопроса Председателем Правительства РФ.

Полномочия Президента РФ в связи с деятельностью Правительства: имеет право председательствовать на заседаниях Правительства; издает указы, определяющие основные направления деятельности Правительства РФ; может отменять постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам.

Полномочия Президента РФ в сфере внешнеполитической деятельности Российской Федерации: определяет основные направления внешней политики государства и осуществляет руководство такой политикой; ведет переговоры и подписывает международные договоры РФ; подписывает ратификационные грамоты; принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нем дипломатических представителей.

Полномочия Президента РФ в сфере военной политики, обороны и в связи с чрезвычайными обстоятельствами: утверждает военную доктрину; является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ; присваивает высшие воинские звания; в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии вводит на территории России или в ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе; при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории РФ или в ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе.

Как глава государства, Президент РФ высту-

пает своего рода арбитром в споре между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации, а также между органами государственной власти субъектов РФ. Для этого он может прибегать к согласительным процедурам, передавать разрешение споров на рассмотрение суда.

Свои полномочия Президент РФ осуществляет, издавая указы и распоряжения, которые не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам и обязательны для исполнения на всей территории РФ (ст. 90). Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью (ст. 91).

Отрешение Президента РФ от должности возможно в связи с государственной изменой или совершением им иного тяжкого преступления. В Конституции РФ определяется процедура такого отрешения (ст. 93).

Обвинение выдвигается Государственной Думой, которая принимает решение об этом двумя третями голосов от общего числа ее депутатов по инициативе не менее одной трети ее состава. Решение Государственной Думы подтверждается заключением Верховного Суда РФ о наличии в действиях Президента РФ признаков преступления и заключением Конституционного Суда РФ о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения.

Решение об отрешении от должности Президента РФ принимает Совет Федерации при голосовании, приводимом в том же порядке, что и в Государственной Думе при выдвижении обвинения против Президента РФ.

Совет Федерации должен принять решение об отрешении Президента РФ от должности в срок, не превышающий трех месяцев после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента.

Некоторые теоретические закономерности становления института президентства на современном этапе

Демократические преобразования, проводимые в Российской Федерации, привели к необходимости поиска новой модели организации государственной власти. Основой такой модели стал общепризнанный в современном мире принцип разделения властей, а также введение в стране института президентской власти.

Разумеется, каждое государство имеет свои национально-исторические особенности и традиции, что не может не сказаться на содержании и форме организации президентской власти. Вместе с тем, рассматривая становление института президентской власти в России, необходимо учитывать, что такой процесс происходил одновременно с аналогичными процессами в странах ближнего зарубежья. Общее историко-правовое прошлое стран СНГ, сходные трансформации и демократические преобразования неизбежно порождали общие черты организации и функ-

ционирования института президентской власти. Изучение этих общих черт требует специального теоретико-правового исследования.

В России изучение института президентства ведется по нескольким направлениям. Прежде всего это общие работы по конституционному праву, в которых есть разделы, посвященные президентству. Особый интерес представляют исследования различных параметров президентства в Российской Федерации: соотношение института президентства и системы правления (И.Д. Хутинаев); эволюция института президентства (С.А. Авакьян, Л.А. Окуньков); полномочия Президента в отношениях с различными государственными органами (Э. Ожиганов, Ю.И. Скуратов); Президент в системе разделения властей (В. Радченко). Появились работы, в которых рассматриваются теоретические вопросы природы президентской власти в постсоветских республиках (В.Е. Чиркин, Б.Н. Кувалдин, Г.А. Шмавонян).

В последние годы опубликован ряд примечательных статей американских и европейских авторов о специфике института президентства в постсоциалистических странах, о достоинствах и недостатках различных систем республиканского правления (С. Холмс, А. Валенсуэла, Ф. Виммиран де Леон, Д.Л. Горовиц, Г. О'Доннелл, Х.Дж. Линц и др.).

В то же время формирование общих закономерностей становления и функционирования института президентства в переходный период еще не было предметом специального исследования. Между тем анализ огромного разнообразного материала о становлении и функционировании президентской власти в постсоциалистическом мире позволяет выделить ряд важных закономерностей этого процесса.

Для уяснения подобных закономерностей прежде всего уточним некоторые понятия, по поводу которых в научной литературе существуют разные мнения. Одним из таких ключевых понятий является определение «института президентства».

И. Д. Хутинаев с целью определения понятия «институт президентства» проводит анализ более широкого понятия – «социальный институт», в пределах которого вычленяются институты различных видов, в том числе правовые. Институт президентства – один из них. Он является предметом исследования разных отраслей общественных наук, в которых сложились различные подходы к понятию «президент», а следовательно, и различные акценты в его содержательной характеристике.

Б. П. Елисеев определяет институт президентства как интеграционный правовой институт, цель которого состоит в согласовании деятельности институтов государственной власти. Его также определяют как совокупность государственно-правовых (конституционных) норм, регулирующих формирование и функционирование

президентской власти.

По мнению автора, институт президентства должен рассматриваться как совокупность властных полномочий президента в сфере государственного управления, основанных на конституционных нормах, регулирующих функционирование президентской власти.

Понятие «президент как выборный глава государства» является родовым по отношению к понятию «президент» и общим для глав государств как с республиканской, так и с монархической формой правления. Видовыми признаками понятия «президент» являются выборность и срочность полномочий. Различные модели президентской власти определяют использование в Конституции таких терминов, как «глава государства» (Беларусь, Россия), «глава исполнительной власти» (США), «арбитр» (Франция), «высшее должностное лицо» (Россия с 1991 по 1993 гг.). Иногда конституционный статус президента не определен (ФРГ).

Особый интерес представляет анализ понятий «институт президентства» и «правовой статус президента», проведенный И.Д. Хутинаевым. Он отмечает первичность института президентства и его больший объем нормативного содержания по сравнению с правовым статусом президента. В отличие от последнего, институт президентства определяет не только функционирование, но и избрание президента. На этом основании делается вывод о том, что правовой статус является частью правового института, определяющего президентскую деятельность.

Очень важно для понимания сущности института президентства определение основных черт, характеризующих данный институт. Б. П. Елисеев выделяет следующие:

- президент является выборным главой государства, который может возглавлять исполнительную власть или быть арбитром в системе разделения властей; в организационном аспекте президент никому не подчинен, обладает высокой степенью независимости от каких-либо других государственных органов, что не снимает с него обязанности действовать на основе и во исполнение законов;

- пост президента имеет ярко выраженный политический характер. Ему принадлежит важная роль в формировании политики государства, верховного политического руководства государственными делами.

Несмотря на высокую степень разработанности научного аппарата в области исследования президентства, в научной литературе при характеристике президентства за рубежом используется термин «институт президентства», а когда речь идет о России – «институт президента». По мнению автора, использование второго термина не вполне правомерно, поскольку это отступление от общепринятой научной терминологии и не в полной мере отражает сущность данного

института. Президентство включает не только президента как высшее должностное лицо в государстве, но и конституционные нормы, регулирующие функционирование президентской власти; прецеденты, возникшие в результате конституционной практики; реальный объем полномочий, сложившийся в результате соотношения политических сил в государстве; структурные подразделения, обеспечивающие работу президента.

Разберемся в соотношении еще двух понятий: «форма правления» и «система правления». Необходимость в таком анализе стала особенно насущной в связи с весьма широко распространенным использованием понятий «президентская форма правления», «парламентарная форма правления», «парламентарная республика с президентской формой правления».

Наиболее полное исследование данного аспекта содержится в работе Н. А. Сахарова. По его мнению, «форма правления» – *основа формирования высшей государственной власти в той или иной политической системе, которая бывает выборной или наследственной*. Отсюда произошли понятия «республиканская форма правления» и «монархическая форма правления».

При республиканской форме возникли различные системы правления. Политическое содержание термина «система правления» *обозначает в первую очередь тип соотношения прерогатив между исполнительными и законодательными органами государственной власти*.

Анализируя с учетом сказанного процесс государственного строительства в постсоциалистических странах, можем сделать вывод о том, что президентство стало центральным политическим атрибутом постсоциалистического мира. Однако его смысл и направленность нередко противоположны. Президентская власть, как показывает опыт постсоциалистических преобразований, способна стать и орудием демократических преобразований, и инструментом установления режима личной власти. Так что президентство таит в себе разнообразные возможности.

Какие факторы определяли тот или иной путь развития государственности в постсоциалистических странах? Поиск ответа на этот вопрос требует анализа не только современности, но и исторического прошлого этих стран.

Такой подход позволяет условно разбить бывшие социалистические страны на две группы. Первая группа – страны с довольно продолжительной историей национальной государственности; народы этих стран, по крайней мере в течение нескольких веков, жили в собственных государственных образованиях, хотя иногда переживали периоды оккупации и утраты независимости: Венгрия, Болгария, Польша, Чехия, Сербия, Румыния, Грузия, Армения, Литва, в значительной степени Латвия и Эстония. Упомянутые страны, как правило, имеют определенную историческую традицию и сложившуюся нацио-

нальную политическую культуру.

Вторая группа стран представляет собой независимые государственные образования, возникшие только в конце XX в. в результате распада бывших крупных социалистических государств. Перипетии становления в них самостоятельной государственности связаны с острой борьбой различных геополитических сил и политических традиций. В ряде стран возник открытый конфликт политических традиций (Украина, Молдова, Грузия и др.).

Важно также отметить, что для постсоциалистического политического развития Чехии, Словакии, Венгрии, Словении, Хорватии, Польши характерна большая интегрированность в Европу, чем для стран юга Восточной Европы – Болгарии, Македонии, Албании, Румынии и Молдовы, долгое время находившихся под властью Османской империи, где господствовал авторитарный политический режим.

Состояние постоянной вооруженной борьбы за независимость против Турции наложило особый отпечаток на политические системы Сербии, Албании, Боснии и Герцеговины. Они традиционно управлялись авторитарными методами, в странах не было практики легальной оппозиции, политический терроризм составлял традиционный способ борьбы.

Специфический режим существовал в среднеазиатских республиках СССР, где сочетались неформальные исторические авторитарные тенденции с формальной демократией советского строя, причем именно советский режим привнес в местные политические культуры демократические ценности и традиции.

Анализ дальнейшего развития постсоциалистических стран показывает, что эволюция института президентства в этих странах позволяет сделать два вывода.

Во-первых, в тех странах, где перекоп властных полномочий был сделан в пользу парламента, в настоящее время есть тенденция к усилению полномочий президента. Так, Словакия и Югославия (до превращения ее в Сербию и Черногорию) перешли от избрания президента парламентом к избранию его населением, в Латвии с трех до четырех лет увеличен срок полномочий президента.

Во-вторых, в тех странах, где были сильны полномочия президента, происходит усиление роли парламента (Польша, Хорватия).

В целом можно утверждать, что к настоящему времени институт президентства в Восточной Европе устоялся и довольно стабилен. Необходимость сочетания легитимности и эффективности наделяет президентов в постсоциалистических обществах большей властью, чем определяют положения конституций.

Президент России является главой государства, но не главой Правительства. Парламент лишь утверждает кандидатуру Председателя, министров же назначает лично Президент, при

этом даже не нуждаясь в согласии парламента. Президент России также имеет право на роспуск парламента, но это его право ничем не уравновешено. Президент и назначает правительство, и распускает парламент. Полномочия Президента России превышают полномочия президента США. Например, Конгресс США утверждает все персональные назначения в правительстве; президент США ни при каких условиях не может распустить Конгресс. В отличие от стран Латинской Америки, президент РФ может избираться на второй срок.

Российский тип президентства нашел свое продолжение в Беларуси, Азербайджане, Армении и, гиперболизированное, в Средней Азии.

Список литературы:

- [1] Алебастрова И.А. Основы американского конституционализма. М., 2001;
- [2] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. М., 1999;
- [3] Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996;
- [4] Бельский К.С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении. М., 1990;
- [5] Государственное право Российской Федерации / Под ред. О.Е. Кутафина. М., 1993;
- [6] Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. М., 1985;
- [7] Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993;
- [8] Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право. М., 2000;
- [9] Козлова Е.А., Кутафин О.Е. Конституцион-

ное право России. М., 1998.

[10] Хутинаев И.Д. Институт президентства и проблемы формы государства. М., 1994. С. 13.

[11] Елисеев Б.П. Нормативно-методическое обеспечение деятельности государственного органа (на примере Администрации Президента РФ). М., 1997. С. 27.

References:

- [1] Alebastrova I.A. Fundamentals of American Constitutionalism. Moscow, 2001;
- [2] Baglai M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook for Universities. Moscow, 1999;
- [3] Baglai M.V., Gabrichidze B.N. Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, 1996;
- [4] Belsky K.S. Separation of Powers and Responsibility in Public Administration. Moscow, 1990;
- [5] State Law of the Russian Federation / Ed. O.E. Kutafin. Moscow, 1993;
- [6] Mishin A.A., Vlasikhin V.A. Constitution of the United States: Political and Legal Commentary. Moscow, 1985;
- [7] United States of America. Constitution and Legislative Acts. M., 1993;
- [8] Engibaryan R.V., Tadevosyan E.V. Constitutional Law. M., 2000;
- [9] Kozlova E.A., Kutafin O.E. Constitutional Law of Russia. M., 1998.
- [10] Khutinaev I.D. The Institute of Presidency and Problems of the Form of State. M., 1994. P. 13.
- [11] Eliseev B.P. Normative and Methodological Support for the Activities of a Government Body (using the Administration of the President of the Russian Federation as an example). M., 1997. P. 27.

JURKOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 03.10.2025 г.

АВДЕЕВ М. Ю.,

кандидат юридических наук,

Почетный адвокат России

e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОНЯТИЯ «ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ»

Аннотация. Права и свободы человека являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Все это в полной мере относится и к праву на неприкосновенность частной жизни и смежным правам, закрепленным в ст. 23, 24, 25 Конституции Российской Федерации. Международным сообществом разработаны документы, получившие признание в качестве основополагающих, ключевых начал в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: частная жизнь, права и свободы человека, правовая система, конституция, конституционное право, правосудие.

AVDEEV M. Y.,

Candidate of Legal Sciences,

Honored Lawyer of Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL NATURE OF THE CONCEPT OF «PRIVATE LIFE»

Annotation. Human rights and freedoms are directly effective and determine the meaning, content, and application of laws, the activities of the legislative and executive authorities, and local self-government bodies, and are ensured by justice. All this fully applies to the right to privacy and related rights enshrined in Articles 23, 24, and 25 of the Constitution of the Russian Federation. The international community has developed documents that have been recognized as fundamental and key principles in the context of ensuring human and civil rights and freedoms, including the right to privacy.

Key words: privacy, human rights and freedoms, legal system, constitutional law, and justice.

Конкретизация и толкование конституционной нормы, закрепляющей международно-признанное право человека на неприкосновенность частной жизни, осуществляются в отраслевом законодательстве. В настоящее время имеются следующие международные документы в рассматриваемой области: Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; Хартия Европейского союза об основных правах.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни как юридическая категория закрепляется в международно-правовых документах в качестве самостоятельного личного права и в комплексе с другими смежными правами – правом на неприкосновенность личности, жилища, правом на тайну корреспонденции. Международные стандарты в области обеспече-

ния права на неприкосновенность частной жизни при коллизиях или в ситуациях совместного применения могут выступать в качестве самостоятельного нормативно-правового регулятора, что доказывается практикой Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Данная формулировка указывает, что эти принципы, нормы, договоры, не вторгаясь прямо во внутригосударственный нормативный комплекс, в российское законодательство, взаимодействуют с ним в правоотношениях, в правоприменительном процессе, в структуре правопорядка.

Различные отрасли российского права, включая конституционное, гражданское, трудовое, семейное, административное, уголовное, уголовно-процессуальное, содержат нормы, регулирующие различные аспекты этого права. В действующем законодательстве Российской Федерации

немало нормативных актов, регулирующих личные неимущественные отношения. Однако нормы, относящиеся к праву на неприкосновенность частной жизни, не систематизированы, и это является причиной пробелов в правовом регулировании соответствующих общественных отношений.

Г. Дж. Берман писал: «Право... не может быть всецело сведено ни к материальным условиям того общества, которое его порождает, ни к соответствующей системе идей и ценностей. Следует также рассматривать право и как самостоятельный фактор, как одну из причин, а не только один из результатов целого ряда общественных, экономических, политических, интеллектуальных, моральных и религиозных явлений... Право является и отражением, и детерминантой экономического и политического развития».

История эволюции права на неприкосновенность частной жизни – это убедительная иллюстрация того, как общественное сознание влияет на содержание правовых норм.

Что такое частная жизнь? Каждый имеет об этом собственное представление, и представление это зависит и от психологических характеристик конкретного человека (мы говорим: он замкнутый человек или душа нараспашку), и от тех норм и традиций, которые существуют в том или ином обществе в определенный исторический период. Обобщенно говоря, частную жизнь можно определить как физическую и духовную область, которая контролируется самим человеком, т. е. свободна от внешнего направляющего воздействия, в том числе от правового регулирования (однако должна иметь правовое обеспечение).

Категория «частная жизнь» не поддается строгому определению; каждый человек вкладывает в это понятие свое, индивидуальное содержание. Частная сфера – это сфера личного усмотрения, свободная от внешнего направляющего воздействия, в том числе правового. Поэтому в правовом смысле мы можем определить неприкосновенность частной жизни только «негативно», т. е., устанавливая допускаемые правом пределы вторжения в эту сферу. Граница допустимого, легитимного вторжения одновременно является границей неприкосновенности частной жизни.

Категория «частная жизнь» не имеет юридического содержания; правовое регулирование лишь устанавливает пределы ее неприкосновенности («приватности») и соответственно пределы допустимого вмешательства. Не случайно право на неприкосновенность частной жизни в некоторых правовых порядках определяется как «право быть предоставленным самому себе».

Сама общеправовая категория «частная жизнь», несмотря на широкое использование и многоотраслевой законодательный характер, имеет довольно расплывчатый статус. Частная жизнь является сложным и противоречивым

феноменом. В законе Испании от 5 мая 1982 г. «Гражданская защита чести, прав на личную и семейную тайну и на идентичность» частная жизнь определяется как «широкая, глобальная совокупность сторон личности, которые отдельно могут не иметь особого значения, но, взятые в совокупности, образуют целостный образ личности человека, имеющего право на сохранение тайны этого образа». Рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на всех подходах к определению частной жизни. Подчеркнем лишь, что мы поддерживаем точку зрения, согласно которой частная жизнь – понятие более широкое, чем личная жизнь. Личная и семейная тайны являются частью частной жизни.

Право на частную жизнь или частную сферу как юридическая категория появилось в США. В 1890 г. адвокаты Л. Брандейз и С. Уоррен опубликовали статью «Право на частную сферу». В ней впервые была поставлена проблема постороннего вмешательства в личную жизнь, в котором обвиняли так называемую желтую прессу. Авторы предложили применять эффективные меры правового воздействия к нарушителям границ частной сферы.

А в 1928 г. один из судей Верховного Суда произнес знаменательную фразу о том, что в Конституции США провозглашено право «быть оставленным в покое» – «the right to be left alone». Но судебный прецедент появился только в 1965 г. Это было решение Верховного Суда США по делу Грисволд. В этом решении речь шла о неконституционности закона штата Коннектикут о контроле над рождаемостью. Решение основывалось на том, что этот закон противоречит праву на частную жизнь.

Частная жизнь может быть определена как сфера, которая не входит в государственную и общественную жизнь. Пределы публичного всегда определяют границы частного. С другой стороны, юридическая практика нуждается в более четком определении частной жизни, в перечислении ее конкретных сфер, областей жизнедеятельности граждан.

Частная жизнь должна трактоваться как неотъемлемая часть права на достойную жизнь. Нельзя допустить, чтобы частная жизнь стала предметом правового регулирования, объектом государственного вмешательства. В этом случае невозможно даже говорить о так называемых пределах вмешательства в частную жизнь. Частная жизнь может государством не регулироваться, а только защищаться.

Несмотря на то, что неприкосновенность частной жизни является универсальным принципом права, нет четкого понимания и категории «неприкосновенность частной жизни». В это понятие не включаются, например, неприкосновенность жилища, имущества. Не ясно, входит ли в него честь и репутация, посягательство на которые считается недопустимым.

Правоведы рассматривают неприкосновенность частной жизни и как предмет правового регулирования, и как субинститут права, и как элемент правового статуса человека, и как обязанность государства и его органов не вмешиваться в частную жизнь, и как аспект личной неприкосновенности, и как элемент правосознания.

К тому же нужно четко понимать различие понятий «защита частной информации» и «защита информации о частном лице». Второе понятие включает информацию о деятельности этого лица, включая его бизнес. Федеральный Конституционный Суд Германии в декабре 1983 г. сформулировал право каждого на так называемое информационное самоопределение: решение вопросов использования и распространения информации персонального характера – предмет личной компетенции каждого человека. Речь идет об информационном суверенитете личности.

Частной и неприкосновенной должна быть жизнь человека в сфере его бытовых, интимных отношений, свободы его мысли и совести. Человеку необходимы свобода уединения, вступления в контакты с другими людьми, охрана его личных и семейных тайн, свобода от слежки. Английский государствовед Э. Мэй писал, что люди «могут ходить, куда им заблагорассудится, но если каждый их шаг находится под наблюдением шпионов и осведомителей, если слова записываются, чтобы потом служить обвинением против них, если за их друзьями следят как за заговорщиками, то кто осмелится сказать, что они свободны?»

Степень свободы человека от вмешательства в его частную жизнь со стороны государственных и общественных организаций, должностных и других лиц зависит от существующего в государстве и обществе политического режима. По степени свободы правовое государство отличается от полицейского, гражданское общество – от тоталитарного.

Одной из серьезных проблем является вопрос о пределах открытости частной жизни публичных лиц, особенно высших должностных лиц. В этом случае право на неприкосновенность их частной жизни не должно ограничивать свободу слова. И здесь большую роль играет установление границы между частной жизнью и общественно значимыми фактами. В некоторых странах существует как бы двойной стандарт вторжения в частную жизнь обыкновенных граждан и представителей элиты данного общества.

На наш взгляд, уместно говорить о презумпции не только открытости информации, появившейся в нашем государстве в последние годы в противовес чрезмерной закрытости и секретности советской эпохи, но и о закрытости информации частного характера. Любая информация частного характера является закрытой и должна быть защищенной, а ее разглашение или допуск к ней должны осуществляться на основе принципа потребности в осведомленности. Эта потреб-

ность выступает в том виде, в каком она определена законом.

По сути, этот принцип раскрывается в ст. 5 Конвенции Совета Европы о защите информации. На этой статье основана вся система защиты информации. Безусловно, существуют противоречия между правом на защиту частной информации и интересами правоохранительных органов, и, конечно, сфера, связанная с государственной безопасностью, является закрытой. Только объективированные проявления частной жизни, которые затрагивают интересы государства и общества, должны подвергаться государственному регулированию.

Авторитетный американский исследователь, автор фундаментального труда «Приватность и свобода» А. Вестин говорит о четырех формах приватности: «Первая – это «уединение», состояние, в котором человек избавлен от наблюдения со стороны других. Вторая – «интимность», замкнутое общение, предполагающее добровольное поддержание контакта с узким кругом лиц. Третья – «сдержанность», то есть наличие психологического барьера между индивидом и окружающими его людьми. Четвертая – «анонимность», состояние, когда человек, находясь в общественном месте, стремится остаться неузнанным. Закон о СМИ вносит разумные законные коррективы в абсолютную защищенность частной жизни граждан:

- журналист обязан «получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение» в средствах массовой информации сведений о частной жизни лица от самого гражданина или его законных представителей (п. 5 ст. 49);

- скрытая запись, т.е. распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки, допускается, если это не нарушает конституционных прав и свобод человека и гражданина (т.е., по сути, только с его согласия) или «если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц» (ст. 50).

Закон о СМИ исходит из разумного представления, что не всякие факты и обстоятельства частной жизни граждан (не всяких граждан) должны быть скрыты от внимания общественности.

Период избирательной кампании – это тот самый период, когда избиратели должны узнавать не только дату рождения кандидата, размер его декларированного дохода и другие обязательные к обнародованию сведения, а также не только то, что сам кандидат захочет сообщить: избиратель имеет право знать максимально много о претендентах на руководящие властные должности, об их прошлом, в том числе, в период пребывания у власти в настоящем, о близких и родных политика. На то он и публичный политик. В этой ситуации

грань между частной жизнью, интересами лица, его близких и общественным интересом весьма тонкая. Все осложняется тем, что никаких законодательных ориентиров или признаков определения этого самого «общественного интереса» нет. Аморальность министра юстиции или генерального прокурора страны, наверное, напрямую затрагивает общественные интересы, так как эти должностные лица не только обязаны обеспечивать законность в стране, но и быть при этом образцом следования нормам морали и нравственности. Именно в этом плане информация (именно информация) об их «амурных» похождениях была правомерной и обоснованной. Но показ откровенных сцен с их участием, сделанных с помощью скрытой записи, – грубейшее нарушение конституционных прав человека и гражданина.

Информация о нарушении тайны телефонных переговоров сотрудниками одной из служб безопасности должна быть обнародована и доведена до сведения не только правоохранительных структур, но и общественности страны. Но публикация конкретных разговоров конкретных людей – грубейшее нарушение их конституционных прав. Споры по поводу того, кто и, согласно каким критериям, должен определять «общественный интерес», ведутся давно. Однако, надо признать, весьма безуспешно. Одни предлагают за водораздел частного и общественного интереса взять формальный критерий – принципы разграничения частного (сфера личной жизни) и публичного (сфера деятельности государства и общества) права. Но в этом случае сфера частного интереса будет стремиться к нулю, потому что все стороны жизни человека формально будут касаться «общественного интереса» (публичного права). Другие в качестве ключевого признака предлагают использовать общественную значимость или общественную опасность (в том числе возможную) сокрытия тех или иных фактов частной жизни лица. И, очевидно, в различных ситуациях применительно к различным категориям людей или отдельным лицам граница между частным и общественным интересом будет размыта.

Поэтому следует такой малоутешительный вывод: журналист должен самостоятельно (ведь только после публикации окончательно может проясниться вопрос), руководствуясь своими профессиональными навыками и представлениями о гражданском долге и собственной оценке сведений, составляющих тайны частной жизни, определять, является ли информация о частной жизни, затрагивающей общественные интересы и каковы эти интересы. Следует согласиться, что задача, стоящая перед журналистом, сложная и ответственная. Ведь окончательный ответ на вопрос о том, прав журналист или нет, может дать только суд.

Но, к сожалению, у нас не прецедентная система права и то, что решил один суд, может не соответствовать тому, что по аналогичному делу

решил другой суд. Только повышение профессионального уровня журналистов, их общей и правовой культуры позволит журналисту достойно разрешить коллизию: частная жизнь – общественный интерес. Законодательно вопрос разрешения противоречивых интересов – право на частную жизнь и право на получение информации – не получил четкого определения. Представляется правильным, что изображение обстоятельств частной жизни недопустимо, если оно выставляет частную жизнь затронутого лица на обозрение общественности без оправданного интереса.

Подобный интерес возникает преимущественно по отношению к так называемым историческим персонам. К ним относятся все те лица, которые получили известность в результате своей деятельности, или лица, занимающие некую должность в структуре общества или претендующие на нее. Следует в каждом случае устанавливать, имеется ли, например, оправданный интерес в распространении фактов из частной жизни политика.

Список литературы:

- [1] Жарова А.К., Елин В.М. Обеспечение права на доступ к интернету и забвение в цифровом пространстве Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2 (39). С. 48-53.
- [2] См.: Бондарь Н.С., Капранова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2002. С. 7.
- [3] См.: Малеина М.Н. Частная жизнь «за стеклом»: правовые проблемы проведения интерактивных игровых шоу в реальном времени и способы их решения // Законодательство. № 2. 2002. № 5.
- [4] См.: Берман Г. Дяс. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 56.
- [5] Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. 2020. № 3. С. 55-61.
- [6] Жарова А.К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28-33.
- [7] Жарова А.К. Правовое обеспечение цифрового профилирования деятельности человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 2. С. 80-87.
- [8] Цит. по: Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность. Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. С. 383.
- [9] См.: Бондарь Н.С., Капранова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2002. С. 7.
- [10] См.: Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М., 1999.
- [11] Иванова С.А. Роль частного и публичного права в формировании институтов гражданского общества // Право и управление. 2021. № 1. С. 49.

References:

[1] Zharova A.K., Elin V.M. Ensuring the Right to Access the Internet and to Be Oblivious in the Digital Space of the Russian Federation // *Monitoring Law Enforcement*. 2021. No. 2 (39). Pp. 48-53.

[2] See: Bondar N.S., Kapranova Yu.V. Constitutional Dimension of Equality of Citizens of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2002. P. 7.

[3] See: Maleina M.N. Private Life «Behind Glass»: Legal Problems of Conducting Interactive Game Shows in Real Time and Ways to Solve Them // *Legislation*. No. 2. 2002. No. 5.

[4] See: Berman G. Dyas. Western Legal Tradition: The Era of Formation. Moscow, 1994. P. 56.

[5] Zharova A.K. Ensuring the Security of a Person's Digital Profile // *Jurist*. 2020. No. 3. pp. 55-61.

[6] Zharova A.K. Ensuring the Information

Sovereignty of the Russian Federation // *Jurist*. 2021. No. 11. pp. 28-33.

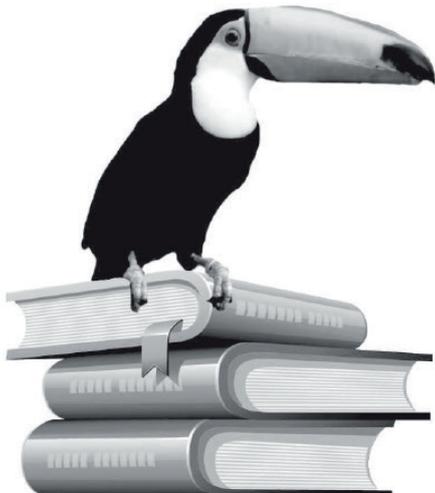
[7] Zharova A.K. Legal Support for Digital Profiling of Human Activity // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2020. Vol. 20. No. 2. pp. 80-87.

[8] Quoted from: Stetsovsky Yu.I. The Right to Liberty and Personal Security. Norms and Reality. Moscow: Delo, 2000. p. 383.

[9] See: Bondar N.S., Kapranova Yu.V. The Constitutional Dimension of Equality of Citizens of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2002. P. 7.

[10] See: Mamut L.S. People in a Rule-of-Law State. Moscow, 1999.

[11] Ivanova S.A. The Role of Private and Public Law in the Formation of Civil Society Institutions // *Law and Management*. 2021. No. 1. P. 49.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.10.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2025 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования
им. К. Д. Ушинского (<https://mipo.online>)¹,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Экономические и культурные отношения, регулируемые правом, не принадлежат исключительно ни к одной из его областей и составляют общий предмет как публичного, так и частного права. Также несостоятельно разграничение права на частное и публичное при помощи интереса или характера общественных отношений, которые не составляют ни элементов правовой нормы, ни содержания субъективного права.

Ключевые слова: частное право, публичное право, гражданское общество, государство, права человека, социальная система, свобода.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after
K.D. Ushinsky (<https://mipo.online>), Professor of the
Department of Constitutional and International Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),»
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

PUBLIC PRIVATE AND LAW IN THE SYSTEM OF RELATIONS BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY

Annotation. Economic and cultural relations governed by law do not belong exclusively to any of its areas and constitute a general subject of both public and private law. It is also inappropriate to distinguish between the right to private and public by means of interest or the nature of social relations, which do not constitute either elements of a legal norm or the content of a subjective right.

Key words: private law, public law, civil society, state, human rights, social system, freedom.

Государство представляет собой многогранное явление, охватывающее не только сферу публичных интересов, но и «проникающее» во все пласты общественной жизни индивида. [1] Например, жизнь гражданина в России будет отличаться от жизни местного населения в Германии или Великобритании, и разница будет не только в общественном укладе,

мировоззрении, традициях, национальной идеологии, но и в сущности и модели существующей в странах политической и правовой систем. [2]

С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и в конечном счете своеобразная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются

¹ Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей, юристов, адвокатов (удостоверения и дипломы государственного образца, ФИС ФРДО). Официальный сайт Института: <https://mipo.online/training>

в целостные правовые образования, юридические конструкции. [3] Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования, поскольку никакого растворения частного права в публичном праве и наоборот, не происходит.

Вспомним Гегеля, у которого государство – многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Индивид, с одной стороны, вообще не может существовать вне государства, а с другой – обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве. [4] Соответственно, на наш взгляд, само наделение государством – с помощью принятия соответствующих законов – индивида правами и свободами, а также обязанностями уже является актом проявления публично-правовых начал, что не исключает, в то же время, частноправовой характер самих прав и свобод, которыми индивид наделяется. [5]

Гегель, разделяя государство и гражданское общество как сферу всеобщих и сферу частных интересов, настаивает на их органическом единстве и взаимопроникновении: «По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами». [6]

Для общества индивидов государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и высшая (координирующая) власть, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов. А именно: в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами. [7]

Но здесь же содержится указание на важный признак гражданского общества, а именно: наделение индивидов правами по отношению к государству, которое берет на себя соответствующие этим законным правам обязанности по их выполнению, гарантирует этот процесс. [8]

В этой связи, по мнению Н. В. Андрианова, «индивидуальные права, обеспечивающие как защиту от необоснованного административного вмешательства, так и возможность влиять на административный аппарат, следует рассматривать в качестве важного элемента структуры гражданского общества». [9]

По мнению Д. Л. Козна и Э. Арато, Гегель к основным достижениям гражданского общества

(современного ему немецкого буржуазного общества) относил «абстрактные права юридического лица и принцип субъективной свободы морального субъекта, намерения и воля которого должны быть приняты во внимание в любом суждении о действии». [10]

Гегель рассматривает государство как единый организм, целостную систему, не сводимую только к власти и тем более к управленческому аппарату. [11] Вот что он прямо говорит по этому поводу: «Государство есть организм, т. е. развитие идеи в свои различия. Эти различные стороны образуют различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспрестанно необходимым образом порождает себя, а поскольку оно именно в своем порождении предпослано, то и сохраняет себя. Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство, в свою очередь, сохраняется благодаря ему; если оба они расходятся, если различные стороны становятся свободными, то единство, которое их порождает, больше уже не положено. К ним применима басня о желудке и других частях тела. Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все». [12]

Стоит отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескье): законодательную, исполнительную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). «Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство сохраняется благодаря ему... Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все». [13]

Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотношении категории «государство» с иными научными категориями, в том числе с категорией «гражданское общество», желательна, во избежание двусмысленностей, в каждом конкретном случае расшифровывать понимание термина «государство». [14] Приведенные положения гегелевской теории гражданского общества сохраняют важное методологическое значение и еще будут использованы в настоящей статье. [15]

Вернемся к гражданскому обществу. Прежде всего, любая интерпретация понятия «гражданское общество» предполагает соотношение с понятием «государство», поскольку первое и исторически и в теоретическом анализе возникает лишь при наличии второго. [16] При этом категория «государство» всегда требует от иссле-

дователя расшифровки: или под ним понимается система власти, или административный аппарат, или институционально организованное геополитическое пространство, или институционально организованное население, или все это вместе, объединенное «развитием идеи в ее различиях». В противном случае приходится строить догадки по поводу сентенций в духе: «Гражданское общество призвано следить за государством». [17] Кроме того, необходимо учитывать нетождественность понятий «общество» и «гражданское общество». [18]

Итак, для целей нашего исследования представляет непосредственное значение, во-первых, взгляд Гегеля на гражданское общество как сферу **частных, единичных интересов**, которая в определенных условиях приобретает **самостоятельное значение** по отношению к сфере **публичных (всеобщих) интересов**.

Во-вторых, вывод о том, что дифференциацию гражданского общества от государства (как сферы политической власти и управленческого аппарата) обеспечивают индивидуальные права граждан, ограждающие их от произвольного административного вмешательства и предоставляющие возможность воздействия на властные институты (поэтому индивидуальные права следует рассматривать как важный элемент структуры гражданского общества).

В-третьих, указание на возможность достижения индивидуальной цели только «при соотношении с другими», то есть при наличии отношений солидарности, выступающей в качестве неотъемлемого элемента гражданского общества. Таким образом, согласно гегелевской концепции, сфера индивидуальных интересов, право и солидарность являются категориями, необходимыми для описания гражданского общества. [19]

Пожалуй, наиболее основательный опыт создания систематической теории современного гражданского общества принадлежит американским исследователям Джин Л. Коэн и Э. Арато, которые посвятили этой проблеме фундаментальный научный труд «Гражданское общество и политическая теория». [20] Немаловажно также, что многие идеи этих авторов широко (и активно) используются как в области государственного строительства и конструирования «политтехнологий» в странах Восточной Европы, так и на постсоветском пространстве. [21]

Авторы определяют гражданское общество как «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (семья), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации». По мнению авторов, «современное гражданское общество создается с помощью определенных форм самоконституирования и самомобилизации. Оно институционализируется и генерализируется посредством законов и в

особенности субъективных прав, стабилизирующих социальную дифференциацию». [22]

Для определения границ современного гражданского общества (в социальной жизни) авторы предлагают следующий методологический подход. Во-первых, они исходят из того, что само понятие гражданского общества обозначает как раз ту область современной жизни Запада, для которой логика не только административно-властных, но и экономических механизмов создает наибольшие опасности. Во-вторых, настаивают на том, что предложенная Гегелем дихотомическая модель «общество-государство» (и адекватная общественным процессам в XIX веке) не пригодна для исследования современного западного гражданского общества. В-третьих, они прибегают к известной в науке трехчастной модели А. Грамши [23] (применяемой также Т. Парсонсом), устанавливающей разграничение как между гражданским обществом и государством, так и между гражданским обществом и экономикой. Признавая приоритет А. Грамши в выдвижении трехчастной модели, авторы придают особое методологическое значение выводу о том, что рыночная экономика и государство интегрируются через механизмы, организованные деньгами и властью, и что гражданское общество, в отличие от них, координируется с помощью коммуникативных средств порождения согласия. Отмечая, что дихотомическая модель «государство - общество» все еще используется «некоторыми марксистами, а в особенности неолибералами, неоконсерваторами и сегодняшними наследниками утопического социализма», Дж. Коэн и Э. Арато подчеркивают, что фундаментальным положением их концепции является превосходство трехчастной схемы гражданского общества. [24]

Но авторы усложняют трехчастную модель. По их мнению, необходимо отличать гражданское общество от политического общества, являющегося сферой жизни партий, иных политических организаций и органов публичной политики (в частности, парламентов), а также от экономического общества, состоящего из организаций, занятых производством и распределением товаров и услуг.

Актеры, или, иначе говоря, субъекты политического и экономического обществ, являются непосредственными участниками осуществления государственной власти и экономического производства, задача их — контролировать соответствующую сферу, управлять ею. Они не могут себе позволить поставить стратегические и инструментальные критерии в зависимости от характерных для гражданского общества типов нормативной (ценностно-ориентированной) интеграции и открытой коммуникации. Даже в своем парламентском воплощении публичная сфера политического общества предполагает наличие важных формальных и временных ограничений, налагаемых на процесс коммуникации. Эти вре-

менные ограничения отсутствуют в гражданском обществе. [25]

В свою очередь, политическая часть гражданского общества непосредственно связана не с контролем или захватом власти, а с влиянием, проводником которого являются демократические ассоциации и свободная дискуссия в интеллектуальных кругах. Правда, подобная роль неизбежно сопряжена с распыленностью и неэффективностью воздействия.

Таким образом, Дж. Коэн и Э. Арато предлагают пятичастную модель:

политическое общество — государство — гражданское общество

экономическое общество — экономика — гражданское общество

По мнению Дж. Коэна и Э. Арато, политическое и экономическое общества выступают здесь в качестве сфер-посредников, через которые гражданское общество призвано влиять на политико-административные и экономические процессы. При этом авторы предостерегают от противопоставления гражданского общества государству и экономике. Антагонистическими эти отношения становятся лишь тогда, когда институты экономического и политического обществ начинают изолировать процессы принятия решений и тех, кто эти решения принимает, от воздействия со стороны социальных организаций, инициатив и публичного обсуждения. [26]

Дж. Коэн и Э. Арато не только проводят границу между гражданским обществом и политическим, и экономическим обществами. Они настаивают на строгом различии гражданского общества и общества в широком смысле. В частности, по их определению, гражданское общество выполняет функцию интегративной подсистемы общества, сферы общества, состоящей из нормативно-правовых компонентов и принципов ассоциации. Именно эту сферу авторы именуют «наиболее актуальной реконструкцией понятия гражданского общества».

К теоретическим заслугам Гегеля относится четкая принципиальная постановка вопроса именно о взаимосвязи социально-экономических и политических сфер гражданского общества и государства, о необходимом и закономерном, диалектическом характере этих связей и соотношений. «Государство есть действительность нравственной идеи, - нравственный дух как явная, самой себе ясная, субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает». [27]

Иными словами, политическое общество и экономическое общество – это сферы гражданского общества, но никак не отдельные общества, оторванные, но якобы соприкасающиеся с гражданским обществом.

Отдельная личность черпает из жизни о государстве истинные понятия о нравственности, она лишь в государстве осуществляет свою подлин-

ную свободу, реализует свои интересы (удовлетворяет потребности), ибо здесь достигается, по мнению Гегеля, единство объективной свободы, то есть всеобщей воли и субъективной свободы отдельной личности, который в своих действиях руководствуется законами, нравственными основоположениями, имеющими всеобщее значение. [28]

Целью поддерживаемого государством гражданского мира является защита государством отдельного гражданина. Гражданин — это «естественная» единица или атом (хотя даже в условиях гражданства имеется определенный «конвенциональный» элемент). С другой стороны, членами или единицами (атомами) нашего международного порядка являются государства. Однако государство в принципе не может быть таким же «естественным» элементом, как гражданин: ведь не существует естественных границ государства, они меняются, и могут быть определены только посредством применения международного принципа *status quo*, а поскольку этот принцип всегда указывает на некоторую произвольно выбранную дату, то определение границ государства — чисто конвенциональная процедура.

Отдельного рассмотрения требует учение Т. Парсонса о «социальной системе», под которым понимается общество, находящееся в «равновесии». Возможны небольшие колебания, но обычно общество пребывает в состоянии покоя. Все его части гармонично сочетаются друг с другом. Принадлежащие обществу индивиды обычно ориентируются на одни и те же нормы благодаря одинаковой для всех социализации. Они интегрированы в систему, следуют единым ценностям, без труда исполняют предписанные им роли. В нормальном состоянии конфликты между ними отсутствуют; изменения системы подобны помехам в работе отлаженного механизма. [29]

Короче говоря, образ общества, получивший свое теоретическое выражение в понятии социальной системы, по мнению Н. Элиаса, при ближайшем рассмотрении оказывается идеальным образом нации. [30]

Как отмечал немецкий философ-марксист Г. Клаус, столь высоко организованная динамическая система, какой является всегда в соответствии с государством организованная на основе определенных производственных отношений общественная система, может быть только многостойчивой системой, которая при необозримом множестве регулируемых величин способна сохранять относительно устойчивое состояние в течение продолжительного времени только благодаря тому, что связанные друг с другом частными функциями частичные системы частично также обладают относительной самостоятельностью. [31]

Об экономической необходимости, «всегда прокладывающей себе путь», [32] писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Политическое, правовое,

философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. [33]

Как пишет Г. Клаус, «мы хотим не только понимать общественные системы, но и владеть ими. Владеть, однако, не значит знать все причинные связи системы. При известных обстоятельствах достаточно уже знать закономерности ее поведения». [34] Возьмем эту мысль на вооружение.

В.А. Энгельгардт полагал, что можно говорить о трех моментах, характеризующих взаимоотношения целого и части. Во-первых, это – возникновение взаимодействующей системы связей между частями целого. Во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого. В-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых систем связей между частями. К этому нужно добавить еще упорядоченность частей, обусловленность их пространственного и функционального взаимоотношения. [35]

По мере возрастания целостности увеличивается и относительная независимость организма от среды, что связано с возникновением механизмов, позволяющих восстанавливать нарушение функций, вызванное изменениями в среде, сохранять в пределах нормы определенные, присущие организму параметры. [36]

Понятие «обратной связи», такое простое и естественное в некоторых элементарных случаях, становится искусственным и малополезным, когда взаимосвязь частей становится более сложной. ... если число частей возрастает хотя бы до четырех, и каждая часть воздействует на три остальные части, то через них можно провести двадцать замкнутых петель, однако знание свойств всех этих двадцати петель ее не дает полной информации о системе. Такие сложные системы не могут рассматриваться как переплетающееся множество более или менее независимых петель обратной связи – их можно рассматривать лишь как целое. [37]

Все, принадлежащие к ней люди (в силу одинаковой социализации), следуют одинаковым нормам, стремятся к тем же самым ценностям, обычно хорошо интегрируются в систему и пребывают в гармоничных отношениях друг с другом. В такого рода «социальной системе» мы имеем образ нации как сообщества, лишь выраженный иначе. [38] В качестве чего-то само собой разумеющегося здесь предполагается, что внутри такой системы существует высокая степень равенства: ведь интегрированность всей системы покоится на одинаковой социализации, на единстве ценностей и норм. [39]

Таким образом, подобная «система» представляет собой понятийную конструкцию, абстрагированную от демократически понимаемого

национального государства. С какой бы стороны мы ни смотрели на эту конструкцию, мы всякий раз обнаруживаем, что в ней стерты различия между тем, чем действительно является нация, и тем, какой она должна была бы быть. [40] По мнению Н. Элиаса, в моделях развития XIX в. происходило смешение фактических наблюдений с принимаемым за реальность желательным вариантом развития к будущему, с социальным прогрессом, понимаемым с позиций того или иного идеала. [41]

Список литературы:

- [1] Каллагов Т.Э. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации в системе органов государственной власти // Юстиция. 2013. № 1. С. 5.
- [2] Шанхоев И.И., Гандалоев Р.Б. Правовое регулирование помилования в системе российского законодательства // Государственная служба и кадры. 2018. № 1. С. 128–131.
- [3] См.: Алексеев С.С. Линия права. – М.: Статут, 2006. – С. 114.
- [4] См.: Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 35–36.
- [5] Каллагов Т.Э. Особенности правового регулирования муниципальной службы в условиях реформирования местного самоуправления в Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С. 36–38.
- [6] Албогачиев А.А. Политические и экономические предпосылки возникновения сословно-представительских органов в Европе / В сборнике: Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Ингушский государственный университет. Магас, 2002. С. 31–44.
- [7] Шанхоев И.И., Гандалоев Р.Б. Характеристика законодательства об амнистии и помиловании в современной России // Закон и право. 2018. № 2. С. 115–118.
- [8] Гандалоев Р.Б. Понятие института гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 230–232.
- [9] См.: Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 35–36.
- [10] См.: Коэн Джин Л., Арато Э. Указ. соч. С. 380.
- [11] Каллагов Т.Э. Задачи и функции муниципальной службы в Российской Федерации // Правозащитник. 2013. № 2. С. 6.
- [12] См.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 287.
- [13] См.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 293.
- [14] Саламов А.Х., Бокова Л.М., Султыгова З.Х. К вопросу о совершенствовании преподавания неорганической химии в вузе / В сборнике: Вузское образование и наука. Материалы региональной научно-практической конференции. 2014. С. 171–172.

- [15] Саламов А.Х., Инаркиева З.И., Султыгова З.Х. Научно-исследовательская работа студентов при выполнении курсовых работ по методике преподавания химии / В сборнике: Вузовское образование и наука. Материалы региональной научно-практической конференции. 2014. С. 173-174.
- [16] Гаджихмедов К.Г., Гандалоев Р.Б. Амнистия и помилование в законодательном развитии (краткий исторический экскурс) // Криминалистика. 2018. № 2 (23). С. 75-82.
- [17] Блестящий анализ гегелевской концепции гражданского общества содержится в работе классика отечественной теории государства и права П.И. Новгородцева. См.: Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 330-351.
- [18] Албогачиев А.А. Аномия в ингушском обществе: социальная и политическая характеристика / В сборнике: Вузовское образование и наука / Материалы региональной научно-практической конференции. 2007. С. 221-225.
- [19] Гандалоев Р.Б., Богатырев Я.А. Теоретические основы продовольственной безопасности // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 2. С. 21-27.
- [20] См.: Коэн Джин Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003. Впервые работа опубликована в 1992 году в США. Авторы, подчеркивая основополагающий характер концепции Г. Гегеля, опираясь и одновременно подвергая обстоятельному критическому анализу теоретические воззрения А. Грамши, Т. Парсонса, Х. Арендт, Н. Лумана, К. Шмидта, М. Фуко, Ю. Хабермаса, других известных исследователей гражданского общества, предлагают собственную теорию и намечают пути реконструкции и воссоздания гражданского общества в странах Запада.
- [21] Дугиева А.Я., Аушева И.А., Арчакова Р.Д., Султыгова З.Х., Ужахова Л.Я. Современные требования к качеству дизельных топлив и методы его улучшения / В сборнике: Вузовское образование и наука. Материалы региональной научно-практической конференции. 2014. С. 163-167.
- [22] См.: Коэн Джин Л., Арато Э. Указ. соч. С. 7.
- [23] См., напр.: Грамши А. Тюремные тетради. – М., 1999.
- [24] Албогачиев А.А. К истории возникновения института народного представительства в Европе / В сборнике: Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Ингушский государственный университет. Магас, 2006. С. 291-304.
- [25] Каллагов Т.Э. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации в системе органов государственной власти // Юстиция. 2013. № 1. С. 5.
- [26] Албогачиев А.А. К истории возникновения института народного представительства в Европе / В сборнике: Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Ингушский государственный университет. Магас, 2006. С. 291-304.
- [27] См.: Парсонс Т. Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. — М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
- [28] Каллагов Т.Э. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации в системе органов государственной власти // Юстиция. 2013. № 1. С. 5.
- [29] Ильгова Е.В., Сметанникова А.И. Проблемы правоприменительной практики при рассмотрении дел об административных правонарушениях комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав // Право. Законодательство. Личность. 2018. № 1 (26). С. 7-10.
- [30] См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х томах. Том 1. – С. 38.
- [31] См.: Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1967. – С. 98.
- [32] Цит. по: Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1967. – С. 99.
- [33] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – Госполитиздат, 1953. – С. 470.
- [34] См.: Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1967. – С. 128.
- [35] См.: Энгельгардт В.А. Интегрализм – путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии. 1970. № 11. С. 108.
- [36] См.: Афанасьев В.Г. Мир живого. Системность, эволюция и управление. Изд. 2-е. – М.: Издательств ЛКИ 2010. – С. 158.
- [37] См.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику: Пер. с англ. / Под ред. В.А. Успенского. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 83-84.
- [38] Ильгова Е.В., Сметанникова А.И. К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 58-61.
- [39] Каллагов Т.Э. К вопросу о совершении правонарушений в сфере государственной гражданской и муниципальной службы // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 93-96.
- [40] Ильгова Е.В., Вершинина Г.И., Ермолаева Т.А., Стародубов А.А. К вопросу о должностных и уполномоченных лицах комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 98-105.
- [41] См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х томах. Том 1. – С. 38.

References:

- [1] Kallagov T.E. Constitutional and legal status of the President of the Russian Federation in the system of state authorities // Justice. 2013. No. 1. P. 5.
- [2] Shankhoeff I.I., Gandaloev R.B. Legal regulation

of pardon in the system of Russian legislation // Civil service and personnel. 2018. No. 1. Pp. 128–131.

[3] See: Alekseev S.S. Line of law. – Moscow: Statut, 2006. – P. 114.

[4] See: Andrianov N.V. Civil society as an environment for the institutionalization of the legal profession. – Moscow: LIBROKOM, 2011. – Pp. 35–36.

[5] Kallagov T.E. Features of legal regulation of municipal service in the context of local government reform in the Russian Federation // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary. 2014. No. 2 (33). Pp. 36-38.

[6] Albogachiev A.A. Political and economic prerequisites for the emergence of estate-representative bodies in Europe / In the collection: Collection of scientific papers of the Ingush State University. Ingush State University. Magas, 2002. Pp. 31-44.

[7] Shankhoyev I.I., Gandaloev R.B. Characteristics of the legislation on amnesty and pardon in modern Russia // Law and Right. 2018. No. 2. Pp. 115-118.

[8] Gandaloev R.B. The concept of the institution of civil society // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4. Pp. 230-232.

[9] See: Andrianov N.V. Civil society as an environment for the institutionalization of the legal profession. – Moscow: LIBROKOM, 2011. – Pp. 35-36.

[10] See: Cohen Jin L., Arato E. Op. cit. P. 380.

[11] Kallagov T.E. Tasks and functions of municipal service in the Russian Federation // Human Rights Defender. 2013. No. 2. Pp. 6.

[12] See: Gegel G.V.F. Op. cit. P. 287.

[13] See: Gegel G.V.F. Op. cit. P. 293.

[14] Salamov A.Kh., Bokova L.M., Sultygova Z.Kh. On the Issue of Improving the Teaching of Inorganic Chemistry at the University / In the collection: University Education and Science. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. 2014. pp. 171-172.

[15] Salamov A.Kh., Inarkiev Z.I., Sultygova Z.Kh. Students' Research Work in Completing Coursework on Chemistry Teaching Methods / In the collection: University Education and Science. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. 2014. pp. 173-174.

[16] Gadziakhmedov K.G., Gandaloev R.B. Amnesty and Pardon in Legislative Development (a Brief Historical Excursion) // Criminalist. 2018. No. 2 (23). pp. 75-82.

[17] A brilliant analysis of Hegel's concept of civil society is contained in the work of the classic Russian theory of state and law P.I. Novgorodtsev. See: Novgorodtsev P.I. Kant and Hegel in their teachings on law and state. St. Petersburg, 2000. Pp. 330-351.

[18] Albogachiev A.A. Anomie in Ingush society: social and political characteristics / In the collection: University education and science / Proceedings of the regional scientific and practical conference.

2007. Pp. 221-225.

[19] Gandaloev R.B., Bogatyrev Ya.A. Theoretical foundations of food security // Social and humanitarian review. 2019. No. 2. Pp. 21-27.

[20] See: Cohen Jean L., Arato E. Civil Society and Political Theory. Moscow, 2003. The work was first published in 1992 in the USA. The authors, emphasizing the fundamental nature of G. Hegel's concept, relying on and simultaneously subjecting to a thorough critical analysis the theoretical views of A. Gramsci, T. Parsons, H. Arendt, N. Luhmann, K. Schmidt, M. Foucault, J. Habermas, and other well-known researchers of civil society, propose their own theory and outline ways of reconstructing and recreating civil society in Western countries.

[21] Dugieva A. Ya., Ausheva I. A., Archakova R. D., Sultygova Z. Kh., Uzhakhova L. Ya. Modern requirements for the quality of diesel fuels and methods for its improvement / In the collection: Higher education and science. Proceedings of the regional scientific and practical conference. 2014. Pp. 163-167.

[22] See: Cohen Jean L., Arato E. Op. cit. P. 7.

[23] See, for example: Gramsci A. Prison Notebooks. – Moscow, 1999.

[24] Albogachiev A.A. On the history of the emergence of the institution of popular representation in Europe / In the collection: Collection of scientific papers of the Ingush State University. Ingush State University. Magas, 2006. Pp. 291-304.

[25] Kallagov T.E. Constitutional and legal status of the President of the Russian Federation in the system of state authorities // Justice. 2013. No. 1. P. 5.

[26] Albogachiev A.A. On the history of the emergence of the institution of popular representation in Europe / In the collection: Collection of scientific papers of the Ingush State University. Ingush State University. Magas, 2006. pp. 291-304.

[27] See: Parsons T. The System of Modern Societies / Ed. by M.S. Kovaleva. Translated from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. – Moscow: Aspect Press, 1998. – 270 p.

[28] Kallagov T.E. Constitutional and Legal Status of the President of the Russian Federation in the System of State Authorities // Justice. 2013. No. 1. p. 5.

[29] Ilgova E.V., Smetannikova A.I. Problems of Law Enforcement Practice in the Consideration of Cases of Administrative Offenses by Commissions on Minors and the Protection of Their Rights // Law. Legislation. Personality. 2018. No. 1 (26). Pp. 7-10.

[30] See: Elias N. On the Civilization Process. In 2 volumes. Volume 1. – P. 38.

[31] See: Klaus G. Cybernetics and Society / Translated from German. – Moscow: Progress, 1967. – P. 98.

[32] Quoted from: Klaus G. Cybernetics and Society / Translated from German. – Moscow: Progress, 1967. – P. 99.

[33] See: Marx K., Engels F. Selected Letters. –

Gospolitizdat, 1953. – P. 470.

[34] See: Klaus G. Cybernetics and Society / Translated from German. – M.: Progress, 1967. – P. 128.

[35] See: Engelhardt V.A. Integratism – the path from the simple to the complex in the cognition of life phenomena // Questions of Philosophy. 1970. No. 11. P. 108.

[36] See: Afanasyev V.G. The living world. Systematicity, evolution and control. 2nd ed. – M.: LKI Publishing House 2010. – P. 158.

[37] See: Ashby W.R. Introduction to cybernetics: Trans. from English / Ed. by V.A. Uspensky. 4th ed. – M.: LIBROKOM Book House, 2009. – P. 83-84.

[38] Ilgova E.V., Smetannikova A.I. On the Issue

of Lowering the Age of Administrative Responsibility // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 5 (124). Pp. 58-61.

[39] Kallagov T.E. On the Issue of Committing Offenses in the Sphere of State Civil and Municipal Service // Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2014. No. 4 (35). Pp. 93-96.

[40] Ilgova E.V., Vershinina G.I., Ermolaeva T.A., Starodubov A.A. On the Issue of Officials and Authorized Persons of Commissions on Minors and the Protection of Their Rights // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 6 (125). Pp. 98-105.

[41] See: Elias N. On the Civilization Process. In 2 volumes. Volume 1. – P. 38.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.11.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 03.11.2025 г.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: ivanovasa1@yandex.ru

ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье показана роль частного и публичного права в социально-экономическом развитии предпосылок формирования институтов гражданского общества.

Ключевые слова: частное и публичное право, социально-экономическое развитие, институты гражданского общества, предпосылки.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State Law and
Criminal Law Disciplines of the
Plekhanov PRUE, Honorary lawyer of Russia,
Expert of the Russian Academy of Sciences

PRIVATE AND PUBLIC LAW IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY

Annotation. The article shows the role of private and public law in the socio-economic development of the prerequisites for the formation of civil society institutions.

Key words: private and public law, social and economic development, civil society institutions, prerequisites.

Как верно отмечает В. И. Иванов, отношения людей в любом обществе (группе людей) складываются на историческом фоне его развития и определяются психологическими, политическими, культурными, конфессиональными, экономическими и многими иными факторами [1, с. 48, 49].

И.А. Покровский писал: «Очевидно, что вопрос о замене нынешней частноправовой организации хозяйства организацией социалистической, есть вопрос не только экономический; он сталкивается с вопросом о пределах государственной власти над индивидом, с давним спором между личностью и государством о признании за первой известных «неотъемлемых прав» и о способах их гарантии...» [2]. Это, конечно, не означает, что в любых государствах и обществах отсутствуют классы, расы, идеология и политика; без них нет ни общества, ни государства. Прудон, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, К. Маркс, В. И. Ленин и И. В. Сталин говорили о возможности построения бесклассового общества, но данная

возможность не была реализована на практике, так и оставшись гипотезой и мечтанием умов, потрясенных несправедливостями жизни их современников.

Трудно согласиться с мнением о том, что все общественные отношения определяются лишь экономическими отношениями. Примерами могут служить национальные, расовые, межконфессиональные, культурные (в том числе образовательные), в значительной мере семейные; неимущественные отношения, права и свободы человека. В публичной сфере это отношения выбора политического режима, идеология, оборона, борьба с террором и насильственными преступлениями, выборы, плебисциты и многое другое, охрана природы, например.

Государство и гражданское общество (далее – ГО) взаимосвязаны и взаимозависимы (не берем степень, меру, масштаб, объем зависимости одного от другого), значит, их нельзя противопоставлять и отрывать друг от друга. Изучать одно, не исследуя другое, неправильно и узконаучно.

Если ГО и государство – некое целое (две стороны одной медали, отчего эта медаль не перестает быть одним целым), то их нужно рассматривать как единую систему. Таким образом, ГО нельзя рассматривать как автономную социальную систему, нужно изучать вместе с государством, рассматривая их как две большие и наиболее важные части (которые сами по себе системы, но составляют вместе более сложную систему) социальной системы, так как и государство также является частью социума. Развитие и изменение каждой из этих частей или их одновременное изменение меняет всю систему, частями которой они являются. Антагонизм и противостояние этих систем (государства и ГО), возникающие между ними длительные конфликты (как в организме человека – болезнь) не идут на пользу всей системы, начиная разрушать ее изнутри, параллельно разрушаясь сами.

В развитых общественных системах частные и публичные отношения можно разграничить по признаку той автономии, которую государство определяет для своих граждан. Сфера отношений, отданных государством под господство граждан и исключающих вмешательство в них государства непосредственно, мы считаем отношениями частными. Это не означает, что государство самоустраняется от необходимого влияния на частные отношения, но оно не является главным и определяющим. Например, в сфере религии государством провозглашена свобода вероисповедания. Однако государство ведет борьбу с тоталитарными и деструктивными сектами как исключительно вредным явлением для всего общества.

Но там, где государство говорит своим гражданам, что отдает на их усмотрение и решение те или иные области общественных отношений, мы наблюдаем господство отношений частных. Это отношения политической самостоятельности партий и иных объединений, морали, свободы мысли, значительная часть экономических отношений, образования, науки, культуры, спорта и т. д. [1, с. 51].

Есть достаточно оснований считать, что отношения в области образования, науки, культуры, прав человека, медицины, искусства также являются базисными, поскольку они служат основой создания современного гражданского общества России и ее интеграции в мировое сообщество с учетом всей специфики присущих только России особенностей.

Некоторая ограниченность марксовской теории о базисе и надстройке видится в том, что экономика государства нужна людям, а не для деления общества на классы. Экономика для человека, а не человек для экономики, и поэтому любое государство строит экономику и экономические отношения как конкретное целеполагание. Экономика в ее современной ипостаси необходима для предотвращения голода, безработицы, удов-

летворения социальных нужд, безопасности, защиты жизни и имущества граждан, обороны, для возможности свободного творческого труда и развития личности.

Ходом исторического развития современной России и в силу складывающихся обстоятельств внутри частных отношений наметились появления так называемых пограничных отношений, еще недавно позиционируемых в качестве публичных. Таковы, например, финансовые, земельные, медицинские, образовательные, природоресурсные, неимущественные (в границах гражданского права) отношения в области оказания услуг и прав человека. Эти примеры можно умножить, но их достаточно, чтобы констатировать наличие сложной общественной проблемы [1, с. 51].

Если обратиться к финансовым отношениям, то можно увидеть их неоднородность. В СССР все финансы (начиная с реформы 1930 г.) были предметом публичных отношений и находились в сфере государственного ведения. Однако затем положение стало меняться, мы стали свидетелями образования большой банковской системы, подчиняющейся частному регулированию. Дело не ограничилось только банками; частными стали ломбарды, страхование (его финансовая составляющая), общества взаимного кредитования, создаваемые как кооперативы, часть инвестиционных программ и т.д.

По мнению Н. Элиаса, «наиболее полная интеграция всех граждан со своим государством в условиях европейской многопартийности осуществилась только лишь в XX в.» [3]. Осознанное отождествление граждан себя даже с государством, является фактом относительно недавнего времени [4, с. 48].

Гегель, разделяя государство и гражданское общество как сферу всеобщих и сферу частных интересов, настаивает на их органическом единстве и взаимопроникновении: «По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами».

Для общества индивидов (точнее – граждан, о роли гражданства будет сказано ниже) государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и высшая (координирующая) власть, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, а именно – в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами.

Но здесь же содержится указание на важный признак гражданского общества, а именно: наде-

ление индивидов правами по отношению к государству, которое берет на себя соответствующие этим законным правам обязанности по их выполнению, гарантирует этот процесс.

В этой связи, по мнению Н. В. Андрианова, «индивидуальные права, обеспечивающие как защиту от необоснованного административного вмешательства, так и возможность влиять на административный аппарат, следует рассматривать в качестве важного элемента структуры гражданского общества» [4, с. 35, 36].

По мнению Д. Л. Коэна и Э. Арато, Гегель к основным достижениям гражданского общества (современного ему немецкого буржуазного общества) относил «абстрактные права юридического лица и принцип субъективной свободы морального субъекта, намерения и воля которого должны быть приняты во внимание в любом суждении о действительности» [5, с. 380].

Гегель рассматривает государство как единый организм, целостную систему, не сводимую только к власти и тем более к управленческому аппарату. Вот что он прямо говорит по этому поводу: «Государство есть организм, т.е. развитие идеи в свои различия. Эти различные стороны образуют различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспрестанно необходимым образом порождает себя, а поскольку оно именно в своем порождении предпослано, то и сохраняет себя. Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство, в свою очередь, сохраняется благодаря ему; если оба они расходятся, если различные стороны становятся свободными, то единство, которое их порождает, больше уже не положено. К ним применима басня о желудке и других частях тела. Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все» [6, с. 287].

Стоит отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескье): законодательную, правительственную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). «Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство сохраняется благодаря ему... Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все» [6, с. 293].

Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотношении категории «государство» с иными научными категориями, в том числе с категорией «гражданское общество», желательно, во избежание двусмысленностей,

в каждом конкретном случае расшифровывать понимание термина «государство». Приведенные положения гегелевской теории гражданского общества сохраняют важное методологическое значение и еще будут использованы в настоящей статье.

Вернемся к гражданскому обществу. Прежде всего, любая интерпретация понятия «гражданское общество» предполагает соотношение с понятием «государство», поскольку первое и в историческом, и в теоретическом анализе возникает лишь при наличии второго. При этом категория «государство» всегда требует от исследователя расшифровки: или под ним понимается система власти, или административный аппарат, или институционально организованное геополитическое пространство, или институционально организованное население, или все это вместе, объединенное «развитием идеи в ее различия». В противном случае приходится строить догадки по поводу сентенций в духе: «Гражданское общество призвано следить за государством» (блестящий анализ гегелевской концепции гражданского общества содержится в работе классика отечественной теории государства и права П. И. Новгородцева) [7]. Кроме того, необходимо учитывать нетождественность понятий «общество» и «гражданское общество».

Итак, для целей нашего исследования представляет непосредственное значение, во-первых, взгляд Гегеля на гражданское общество как сферу **частных, единичных интересов**, которая в определенных условиях приобретает самостоятельное значение по отношению к сфере **публичных (всеобщих) интересов**.

Во-вторых, вывод о том, что дифференциацию гражданского общества от государства (как сферы политической власти и управленческого аппарата) обеспечивают индивидуальные права граждан, ограждающие их от произвольного административного вмешательства и предоставляющие возможность воздействия на властные институты (поэтому индивидуальные права следует рассматривать как важный элемент структуры гражданского общества).

В-третьих, указание на возможность достижения индивидуальной цели только «при соотношении с другими», т. е. при наличии отношений солидарности, выступающей в качестве неотъемлемого элемента гражданского общества. Таким образом, согласно гегелевской концепции, сфера индивидуальных интересов, право и солидарность являются категориями, необходимыми для описания гражданского общества.

Пожалуй, наиболее основательный опыт создания систематической теории современного гражданского общества принадлежит американским исследователям Джин Л. Коэн и Э. Арато, которые посвятили этой проблеме фундаментальный научный труд «Гражданское общество и политическая теория». Впервые работа опу-

бликована в 1992 г. в США. Авторы, подчеркивая основополагающий характер концепции Г. Гегеля, опираясь и одновременно подвергая обстоятельному критическому анализу теоретические воззрения А. Грамши, Т. Парсонса, Х. Арндт, Н. Лумана, К. Шмидта, М. Фуко, Ю. Хабермаса, других известных исследователей гражданского общества, предлагают собственную теорию и намечают пути реконструкции и воссоздания гражданского общества в странах Запада [5]. Немаловажно также, что многие идеи Коэна и Арато широко (и активно) используются как в области государственного строительства и конструирования «политтехнологий» в странах Восточной Европы, так и на постсоветском пространстве.

Авторы определяют гражданское общество как «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (семья), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации». По их мнению, «современное гражданское общество создается с помощью определенных форм самоконституирования и самомобилизации. Оно институционализируется и генерализируется посредством законов и в особенности субъективных прав, стабилизирующих социальную дифференциацию» [5, с. 7].

Для определения границ современного гражданского общества (в социальной жизни) Коэн и Арат предлагают следующий методологический подход. Во-первых, они исходят из того, что само понятие гражданского общества обозначает как раз ту область современной жизни Запада, для которой логика не только административно-властных, но и экономических механизмов создает наибольшие опасности [5, с. 6]. Во-вторых, настаивают на том, что предложенная Гегелем дихотомическая модель «общество-государство» (и адекватная общественным процессам в XIX в.) не пригодна для исследования современного западного гражданского общества. В-третьих, они прибегают к известной в науке трехчастной модели А. Грамши [8] (применяемой также Т. Парсонсом), устанавливающей разграничение как между гражданским обществом и государством, так и между гражданским обществом и экономикой. Признавая приоритет А. Грамши в выдвижении трехчастной модели, авторы придают особое

методологическое значение выводу о том, что рыночная экономика и государство интегрируются через механизмы, организованные деньгами и властью, и что гражданское общество, в отличие от них, координируется с помощью коммуникативных средств порождения согласия [8].

Список литературы:

- [1] Иванов В.И. Частные отношения: постановка вопроса // Образование и право. 2011. № 5(21). С. 48, 49, 51.
- [2] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 48.
- [3] Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001. С. 289.
- [4] Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 35, 36, 48.
- [5] Коэн Джин Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 6, 7, 380.
- [6] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 287, 293.
- [7] Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 330 - 351.
- [8] Грамши А. Тюремные тетради. М., 1999. С. 243.

References:

- [1] Ivanov V.I. Chastnye otnosheniya: postanovka voprosa // Obrazovanie i pravo. 2011. № 5(21). S. 48, 49, 51.
- [2] Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M.: Statut, 1998. S. 48.
- [3] Elias N. Obshchestvo individov. M., 2001. S. 289.
- [4] Andrianov N.V. Grazhdanskoe obshchestvo kak sreda institucionalizacii advokatury. M.: LIBROKOM, 2011. S. 35, 36, 48.
- [5] Koen Dzhin L., Arato E. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya. M., 2003. S. 6, 7, 380.
- [6] Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. S. 287, 293.
- [7] Novgorodcev P. I. Kant i Gegel' v ih ucheniyah o prave i gosudarstve. SPb., 2000. S. 330 - 351.
- [8] Gramshi A. Tyuremnye tetradi. M., 1999. S. 243.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.11.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 22.11.2025 г.

ЛУТОВИНОВА Наталья Викторовна,
старший преподаватель, Юридический факультет,
Российский государственный социальный университет,
e-mail: Nlutovinova@mail.ru

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

Аннотация. В настоящей статье поднимается проблема определения правовой природы договора доверительного управления исключительными правами, особенности его классификации и предлагаются некоторые пути решения указанной проблемы. В статье исследуются правовая природа договора доверительного управления исключительными правами и его особенности, отличающие указанный договор от иных договоров в сфере интеллектуальной собственности. В частности, анализируются существенные условия договора и имеющиеся требования законодательства, которые предъявляются к таким условиям.

Ключевые слова: система договоров, касающихся управления интеллектуальной собственностью; гражданско-правовые обязательства; доверительное управление, управление на коллективной основе, особенности существенных условий, исключительные права.

LUTOVINOVA Natalya Viktorovna,
Senior lecturer, Faculty of Law,
Russian State Social University

THE EXCLUSIVE RIGHTS TRUST AGREEMENT

Annotation. This article raises the problem of determining the legal nature of an exclusive rights trust agreement, the specifics of its classification and suggests some ways to solve this problem. The article examines the legal nature of an exclusive rights trust management agreement and its features that distinguish the said agreement from other agreements in the field of intellectual property. In particular, the essential conditions of the contract and the existing requirements of the legislation that are imposed on such conditions are analyzed.

Key words: system of contracts related to intellectual property management; civil law obligations; trust management, management on a collective basis, features of material conditions, exclusive rights.

Важным для практического применения при квалификации договора доверительного управления исключительными правами и определения его правовой природы в параллели с лицензионным договором можно считать вывод, изложенный Арбитражным судом на одном из заседаний научно-консультационного совета по вопросу определения объема передаваемых доверительному управляющему прав. Так, если учредитель управления изначально приобрел передаваемые по договору доверительного управления исключительные права в результате лицензионного договора – объем прав по рассматриваемому договору доверительного управления исключительными правами, соответственно, не может превышать объема, переданного учредителю управления по лицензионному договору.

Вместе с тем, если исследуемый в настоящей статье договор доверительного управления исключительными правами не имеет признаков лицензионного договора, исключительные права, передаваемые по договору ограничены набором

прав, имеющихся у учредителя управления на момент заключения такого договора.

В целом, одни авторы рассматривают доверительное управление в качестве способа использования исключительного права, другие – как способ распоряжения исключительными правами. Вместе с тем, договор доверительного управления исключительными правами нельзя считать однозначным распоряжением исключительными правами, однако правомочием, переданным доверительному управляющему, следует определять процесс «осуществления» исключительного права.

Среди исследователей выделяются различные точки зрения по вопросу правовой природы договора доверительного управления исключительными правами с момента появления такой договорной конструкции. Согласно одной из точек зрения на основании данного договора происходит передача исключительных прав (З. Э. Беневоленская). Другая точка зрения основывается на несостоятельности рассматриваемой договорной конструкции при регулировании

гражданских правоотношений, так как управление исключительными правами представляется возможным только в совокупности с иными имущественными правами (А. И. Савельев). Также существует мнение, согласно которому договору доверительного управления исключительными правами присущ характер лицензионного договора, что делает необходимым при заключении договора доверительного управления имуществом одновременно отчуждать такие исключительные права на предусмотренный срок (О. А. Рузакова).

Совокупность диаметрально противоположных мнений относительно правовой природы договора доверительного управления исключительными правами является следствием пробелов в законодательном регулировании рассматриваемой договорной конструкции. Так исключительные права называются в качестве объекта доверительного управления, однако в законодательстве отсутствуют специальные нормы, посвященные договорной конструкции доверительного управления исключительными правами.

Обобщая мнения исследователей, можно сделать вывод об общем предмете рассматриваемого договора – управление исключительным правом на охраняемый объект. Такой вывод подводит к необходимости анализа существенных условий договора доверительного управления исключительными правами.

Так среди существенных условий договора доверительного управления исключительными правами следует выделить следующие:

1. Предмет. Этимология названия договора позволяет говорить о предмете договора доверительного управления исключительными правами как о процессе управления исключительными правами. Однако необходимо отметить, что определение рамок управления в данной договорной конструкции станет возможным только при отражении информации об объеме правомочий доверительного управляющего, переданных учредителем управления, и информации об объектах, на которые такие правомочия передаются (результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации). Примечательно, что по договору доверительного управления исключительными правами может быть передана как вся триада правомочий: право использования, право распоряжения, право защиты, так и ее отдельные элементы, например защита исключительного права посредством подачи гражданских исков. О праве доверительного управляющего обращаться в суд за защитой нарушенного права, несмотря на отсутствие прямого упоминания указанного лица в статье 1250 Гражданского кодекса РФ, неоднократно высказывались суды (например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.10.2017 г. № С01-812/2017). Также важно упомянуть, что в условиях договора доверительного управления исключительными правами можно предусмотреть положения о передаче

конкретных правомочий: защита и охрана исключительных прав.

Список литературы:

[1] Кокорев А.С. Отечественные и зарубежные методики оценки кредитоспособности заемщика. Монография. – Москва, 2021.

[2] Леонтьева Н.Е. Цифровые финансовые активы: новый объект или давно известная сущность? // Образование и право. 2022. № 1. С. 303.

[3] Шикула И.Р., Кособродов В.М., Савенкова Д.В. Актуальные направления оптимизации экономической политики в сфере защиты прав и свобод // Образование и право. 2022. № 3. С. 44.

[4] Балахонский В.В., Коледов М.В., Комаров М.И., Кузин Н.Н. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях социальной и цифровой трансформации // Образование и право. 2022. № 1. С. 313-314.

[5] Теппеев А.А., Мисроков Т.З. Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества // Образование и право. 2022. № 3. С. 38.

[6] Крылов К.Д. Правовое обеспечение и социальная защита благополучия человека труда // Образование и право. 2022. № 3. С. 34.

[7] Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М., 2010

[8] Леонтьева Н.Е. Цифровые финансовые активы: новый объект или давно известная сущность? // Образование и право. 2022. № 1. С. 303.

[9] Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. / З.Э. Беневоленская // М.: Волтерс Клувер, 2005. – 336 с.

[10] Савельев, А.И. Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России/ А.И. Савельев // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 4. – С. 4- 36.

[11] Рузакова О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: Автореф. дис. д. ю. н. / О.А. Рузакова // М., 2011. – 42 с.

[12] Барханов М.А. Правовые основы становления интеграционных образований // Образование и право. 2022. № 1. С. 227.

[13] Шалькова В.А. Создание и организация деятельности аварийно-спасательной службы в России // Образование и право. 2021. № 7. С. 459-462.

[14] Пономарёв Д.С., Морозов И.В., Григорьев С.М., Кокорев А.С., Забайкин Ю.В. История развития общественного мониторинга здоровья // Вопросы истории. 2021. № 7-2. С. 275-283.

[15] Албогачиев А.А., Гандалоев Р.Б., Галаева М.И. Становление представлений о юридических фактах // Образование и право. 2021. № 7. С. 70-76.

[16] Албогачиев А.А. Парламентские традиции европейского политического пространства /

Дисс... канд. политич. наук. – М., 2001. – С. 45.

[17] Матвиенко С.В., Васильева Е.В. Образование XXI: плюсы и минусы цифрового образования // Образование и право. 2022. № 1. С. 319.

[18] Будкин О.О. Проблемы доказывания охраноспособности объектов авторского права // Образование и право. 2022. № 3. С. 112.

[19] Сухоруков А.В. Меры государственной поддержки инновационной предпринимательской деятельности и проблемы их реализации // Образование и право. 2022. № 1. С. 217-218.

[20] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.10.2017 № С01-812/2017 по делу № А40-239418/2016 // СПС Консультант Плюс.

[21] Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий // СПС КонсультантПлюс. 2022.

References:

[1] Kokorev A.S. Domestic and Foreign Methods for Assessing Borrower Creditworthiness. Monograph. - Moscow, 2021.

[2] Leontyeva N.E. Digital Financial Assets: A New Object or a Long-Known Entity? // Education and Law. 2022. No. 1. P. 303.

[3] Shikula I.R., Kosobrodov V.M., Savenkova D.V. Current Directions for Optimizing Economic Policy in the Sphere of Protecting Rights and Freedoms // Education and Law. 2022. No. 3. P. 44.

[4] Balakhonsky V.V., Koledov M.V., Komarov M.I., Kuzin N.N. Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in the Context of Social and Digital Transformation // Education and Law. 2022. No. 1. P. 313-314.

[5] Teppeev A.A., Misrokov T.Z. Interaction of the Police with Civil Society Institutions // Education and Law. 2022. No. 3. P. 38.

[6] Krylov K.D. Legal Support and Social Protection of the Well-Being of a Working Person // Education and Law. 2022. No. 3. P. 34.

[7] Makovsky A.L. On the Codification of Civil Law (1922–2006). – Moscow, 2010

[8] Leontyeva N.E. Digital Financial Assets: A New Object or a Long-Known Entity? // Education and Law. 2022. No. 1. P. 303.

[9] Benevolenskaya Z.E. Trust Management of

Property in the Sphere of Entrepreneurship. / Z.E. Benevolenskaya // Moscow: Wolters Kluwer, 2005. – 336 p.

[10] Savelyev, A.I. Current issues of judicial practice in the field of software circulation in Russia / A.I. Savelyev // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2013. - No. 4. - P. 4-36.

[11] Ruzakova O.A. The system of contracts on the creation of the results of intellectual activity and the disposal of exclusive rights: Abstract of a Doctor of Law dissertation / O.A. Ruzakova // Moscow, 2011. - 42 p.

[12] Barkhanoev M.A. Legal basis for the formation of integration entities // Education and Law. 2022. No. 1. P. 227.

[13] Shalkova V.A. Creation and organization of the activities of the emergency rescue service in Russia // Education and Law. 2021. No. 7. P. 459-462.

[14] Ponomarev D.S., Morozov I.V., Grigoriev S.M., Kokorev A.S., Zabaikin Yu.V. History of the Development of Public Health Monitoring // Questions of History. 2021. No. 7-2. Pp. 275-283.

[15] Albogachiev A.A., Gandaloev R.B., Galaeva M.I. Formation of Concepts of Legal Facts // Education and Law. 2021. No. 7. Pp. 70-76.

[16] Albogachiev A.A. Parliamentary Traditions of the European Political Space / Diss... Cand. of Political Sciences. - Moscow, 2001. - P. 45.

[17] Matvienko S.V., Vasilyeva E.V. Education XXI: Pros and Cons of Digital Education // Education and Law. 2022. No. 1. P. 319.

[18] Budkin O.O. Problems of Proving the Protectability of Copyrighted Objects // Education and Law. 2022. No. 3. P. 112.

[19] Sukhorukov A.V. Measures of State Support for Innovative Entrepreneurial Activities and Problems of Their Implementation // Education and Law. 2022. No. 1. Pp. 217-218.

[20] Resolution of the Intellectual Property Court dated October 30, 2017 No. S01-812/2017 in Case No. A40-239418/2016 // SPS Consultant Plus.

[21] Grishaev S.P. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Article-by-Article Commentary // SPS ConsultantPlus. 2022.

Юрическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 08.10.2025 г.

БЫКОВ И. И.,

Юрист

e-mail: mail@law-books.ru

БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1990–2005 гг.)

Аннотация. В статье автор исследует правовое регулирование банковской деятельности в определенной исторической ретроспективе, акцентируя внимание на том, что банковская деятельность имеет свою специфику. В первую очередь, это процесс установления правил ведения банковской деятельности в России в порядке законодательной и иной нормотворческой деятельности. С одной стороны, Центробанк России осуществляет надзор за соблюдением законодательства субъектами второго уровня банковской системы; с другой стороны, Президент РФ и Государственная Дума РФ контролируют Центробанк России. Судебная власть за нарушения установленных правил поведения любым субъектом банковской системы применяет принуждение.

Ключевые слова: банковская деятельность, рынок банковских услуг, банковская система, конституция, кредит, экономическая политика, Банк России.

BYKOV I. I.,

Lawyer

BANKING IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECT (1990-2005)

Annotation. In this article, the author examines the legal regulation of banking in a certain historical perspective, emphasizing that banking has its own specific characteristics. First and foremost, this is the process of establishing rules for conducting banking in Russia through legislative and other rule-making activities. On the one hand, the Central Bank of Russia oversees compliance with the law by second-tier entities in the banking system; on the other hand, the President of the Russian Federation and the State Duma of the Russian Federation oversee the Central Bank of Russia. The judiciary applies coercion for violations of established rules of conduct by any entity in the banking system.

Key words: banking, banking services market, banking system, constitution, credit, economic policy, Bank of Russia.

Система государственного управления в сфере банковской деятельности должна обеспечивать согласованные совместные действия уполномоченных государственных органов, прежде всего федеральных органов исполнительной власти. Это ставит задачи четкого разграничения компетенции между ними, создания условий для взаимодействия, исключения дублирования полномочий в рассматриваемой сфере.

Цели государственного регулирования банковской системы подразумевают установление общих правовых рамок банковской деятельности и основ структурного построения банковской системы. Большое значение имеет создание правовых рамок организации контроля и надзора за банковской деятельностью. Стабильное развитие банковской системы возможно только при эффективном управлении ею со стороны государ-

ственных органов.

Цели системы государственного управления в сфере банковской деятельности определяются целями государственной экономической политики, которые в самом общем виде могут быть представлены как обеспечение экономической стабильности и роста общества. Поэтому к целям государственного управления банковской системой можно отнести: обеспечение стабильности финансовой системы, эффективности использования банками общественных средств, мобилизацию банковской системы на решение стоящих перед государством экономических и политических задач, обеспечение сохранности денежных средств населения, организацию денежного рынка страны и платежной системы, регулирование конкуренции на банковском рынке, обеспечение открытости рынка банковских услуг для всех социальных групп населения.

Важное место в управлении банковской системой занимает Президент России, который, будучи главой государства, руководит всеми вопросами экономического, в том числе кредитно-финансового, характера, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти (ст. 80 Конституции РФ). Президент представляет Государственной Думе РФ кандидатуру Председателя Банка России и ставит вопрос об освобождении его от должности (ст. 83 Конституции РФ); он направляет трех человек в Национальный банковский совет; с ним согласуют и кандидатуры членов Совета директоров Банка России. В связи с этим Центральный банк обязан обеспечить Президента РФ всей необходимой информацией о состоянии и функционировании банковской системы.

В соответствии с действующим законодательством важное место в системе регулирования деятельности банковской системы отводится Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Согласно ст. 5 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», Банк России подотчетен Государственной Думе. Государственная Дума в сфере управления банковской деятельностью реализует следующие полномочия:

- назначает на должность и освобождает от нее Председателя Банка

России по представлению Президента Российской Федерации;

- назначает на должность и освобождает от нее членов Совета

директоров Банка России (далее – Совет директоров) по представлению

Председателя Банка России, согласованному с Президентом РФ;

- направляет в Национальный банковский совет и отзывает из него своих представителей в рамках квоты (квота составляет три человека);

- рассматривает основные направления единой государственной денежно-кредитной политики и принимает по ним решение;

- рассматривает годовой отчет Банка России и принимает по нему решение;

- принимает решение о проверке Счетной палатой РФ финансово-хозяйственной деятельности Банка России, его структурных подразделений и учреждений; это решение может быть принято только на основании предложения Национального банковского совета;

- проводит парламентские слушания о деятельности Банка России с участием его представителей;

- заслушивает доклады Председателя Банка России о деятельности Центробанка (при представлении годового отчета и основных направлений единой государственной денежно-кредитной

политики).

Очевидно, что все перечисленные выше полномочия имеют непосредственное отношение к управлению банковской системой. Имеет отношение к руководству банковской системой и Совет Федерации РФ, который направляет двух человек в Национальный банковский совет (ст. 12 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Значительную роль в управлении банковской системой играет Правительство РФ. Эта роль проявляется, прежде всего, во взаимоотношениях Правительства и Банка России. Как отмечает М. М. Камалов, известны две модели взаимодействия центральных банков с органами государственной власти. В первом, более распространенном в мировой практике случае центральный банк подчиняется министерству финансов и проводит финансовую политику правительства. Во втором случае Центральный банк РФ сохраняет независимость от правительства и проводит более самостоятельную финансовую политику. Центральный банк Российской Федерации формально «провозглашен» Конституцией страны как независимый от других органов государственной власти субъект, подотчетный только Государственной Думе. Тем не менее его отношения с Правительством довольно тесные.

Согласно действующему законодательству, Банк России участвует в разработке экономической политики Правительства РФ. Банк России и Правительство РФ информируют друг друга о предполагаемых действиях, имеющих общегосударственное значение, координируют свою политику, проводят регулярные взаимные консультации. Банк России консультирует Министерство финансов по вопросам графика выпуска государственных ценных бумаг РФ и погашения государственного долга с учетом их воздействия на состояние банковской системы России и приоритетов единой государственной денежно-кредитной политики.

Определенную роль в руководстве деятельностью банковской системы играет Счетная палата Российской Федерации, которая, согласно ст. 19 Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», проверяет финансово-хозяйственную деятельность Центрального банка, его структурных подразделений и учреждений. Указанные проверки проводятся в соответствии с решениями Государственной Думы, принимаемыми только на основании предложений Национального банковского совета.

В 2002 г. был создан еще один орган, чья деятельность связана с управлением банковской системой страны, – Национальный банковский совет. Согласно ст. 12 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Национальный банковский совет является коллегиальным органом Банка России.

Численность Национального банковского совета составляет 12 человек, из которых двое направляются Советом Федерации Федерального Собрания РФ из числа членов Совета Федерации, трое – Государственной Думой из числа депутатов, трое – Президентом РФ, трое – Правительством РФ.

В состав Национального банковского совета входит также Председатель Банка России. Указанный орган определяет важнейшие вопросы деятельности Центрального банка РФ.

Главная роль в управлении банковской системой в России отведена Центральному банку, который сам является звеном банковской системы, но в условиях существования двухуровневой банковской системы связан с иными кредитными организациями отношениями власти-подчинения, руководит их деятельностью, как и функционированием всей банковской системы. Следует согласиться с мнением Т. Бурляевой о том, что, «...несмотря на то, что к управлению банковской системой Российской Федерации имеют отношение почти все основные органы государственной власти, в действительности монопольное право руководить этой системой принадлежит Центральному банку».

Монопольная власть Банка России в банковской системе обусловлена тем, что он, согласно действующему законодательству, единолично устанавливает правила банковской деятельности в России путем издания нормативных актов (при этом нормотворчество Банка России регулирует и его собственную деятельность), выступает надзорным органом банковской системы (в том числе и над самим собой), выполняет контрольные функции в отношении кредитных организаций – субъектов второго уровня банковской системы, применяет санкции к тем, кто не выполняет его предписаний и распоряжений, осуществляет банковское лицензирование, а также отзывает лицензии на ведение банковской деятельности, выполняет расчетные функции, при этом сам устанавливает правила проведения расчетных операций в России, является эмиссионным центром России, выступает кредитором в последней инстанции, разрабатывает и проводит учетную политику, активно осуществляет коммерческую деятельность.

В современной России государственное управление банковской системой предусматривает использование рыночных механизмов опосредованного (косвенного) управления ею. В этих условиях становится актуальным государственное регулирование банковской деятельности, которое призвано решать следующие задачи:

а) повысить эффективность государственного влияния на экономику

России, включая денежно-кредитную сферу;

б) обеспечить целостность Российской Федерации, единство системы ее государственной власти и экономического пространства; способ-

ствовать устойчивости экономики России, ее банковской системы и национальной валюты, т. е. соблюдению публичных интересов в процессе банковской деятельности;

в) обеспечить свободу предпринимательства, конкуренцию кредитных организаций в банковской сфере, их оперативную (хозяйственную) независимость и, наряду с этим, создать правовые гарантии прав и законных интересов потребителей банковских услуг.

Анализ нормативных правовых актов РФ, регулирующих банковскую деятельность, а также научной литературы позволяет выделить следующие направления государственного регулирования этой сферы деятельности:

а) нормотворчество, в процессе которого устанавливаются правовые

нормы, регулирующие организацию и принципы функционирования банковской системы РФ, порядок создания, регистрации и лицензирования кредитных организаций; порядок банковской деятельности, банковского надзора и контроля;

б) регистрация и лицензирование деятельности конкретных кредитных

организаций, филиалов и представительств иностранных банков, оформление

разрешений на использование иностранного капитала при создании кредитных организаций в России, согласование сделок с долями (акциями) кредитных организаций;

в) банковское регулирование с использованием инструментов и методов

денежно-кредитной политики;

г) проведение государственного контроля и надзора за банковской

системой и банковской деятельностью;

д) принятие судами судебных решений по вопросам банковской деятельности, банкротства, ликвидации кредитных организаций, назначения арбитражных управляющих и т. п.

Таким образом, осуществление государственного надзора и контроля над банковской системой и банковской деятельностью является одним из важнейших направлений государственного регулирования банковской деятельности, нацеленной на обеспечение надежности и эффективности функционирования банковской системы.

Как отмечалось в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 18 апреля 2002 г., «нам нужны изменения в законы и подзаконные акты, которые уточнят и упорядочат полномочия надзорных органов. А где можно – заменят их более эффективными мерами ответственности самих экономических субъектов. Действовать, конечно, в этом плане нужно очень аккуратно». Президент также отметил, что «важнейшим условием динамичного экономического развития является и эффективная банковская система. В этой связи необходимо наверстать отставание в банковской реформе. Необходимо

усилить банковский надзор, обеспечить прозрачность в деятельности банков, принять меры по повышению их капитализации».

В широком смысле контроль как социально-правовое явление проявляется в виде двух самостоятельных направлений – собственно контроля и надзора. При этом наблюдение и проверка исполнения правовых норм и принятых решений, точки зрения юридической науки и практики, несомненно, являются контрольной деятельностью.

В банковском законодательстве используются термины «банковский надзор» (ст. 55 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)»), «валютный контроль» (ст. 4, 53 указанного Закона, «антимонопольный контроль» (ст. 32 Закона о банках), «исполнение лицензионных, надзорных и контрольных функции» (ст. 26 упомянутого Закона). Однако их содержание и особенности в законодательстве не раскрываются. В юридическом смысле проблемы банковского надзора и контроля также разработаны явно недостаточно. Поэтому особенности контрольно-надзорной деятельности в банковской системе могут быть познаны на основе анализа федерального законодательства с учетом имеющихся в отечественной юридической науке концептуальных представлений о контроле и надзоре.

Теория и практика банковской деятельности настоятельно требуют не только экономического, но и юридического анализа особенностей контрольно-надзорной деятельности в банковской сфере. Между тем в научных работах, посвященных проблемам банковского контроля и надзора, анализируются, как правило, экономические, а не юридические проблемы. Понимание юридической сущности банковского контроля и надзора требует комплексного подхода, предполагающего, что особенности того или иного вида контрольно-надзорной деятельности обусловлены его объектом, субъектом, предметом и методом.

Анализ федерального законодательства позволяет утверждать, что в банковской системе России используются несколько различных направлений государственной и негосударственной контрольно-надзорной деятельности. Безусловно, основным направлением контрольно-надзорной деятельности в банковской сфере является государственный банковский контроль и надзор за кредитными организациями.

При выделении банковского контроля и надзора как самостоятельных направлений государственной деятельности следует учитывать: а) особую сферу их применения (банковская система и банковская деятельность); б) специальный состав контрольно-надзорных органов, наделенных соответствующими полномочиями в банковской сфере; в) строго определенный круг лиц, признаваемых объектами такого контроля и надзора (например, кредитные организации); г) наличие особой группы правовых норм, объединенных в

единое комплексное образование, именуемое банковским правом; д) специальные методы и формы контрольно-надзорной деятельности.

Но, помимо банковского надзора и контроля, федеральное законодательство предусматривает и другие виды государственной контрольно-надзорной деятельности за банковской системой. Например, государство контролирует деятельность не только кредитных организаций, но и самого Банка России, как элемента банковской системы России (контроль со стороны Государственной Думы РФ, Счетной палаты РФ, внешний аудит по назначению Государственной Думы РФ). За Банком России как государственным контрольным органом ведется прокурорский надзор, возложенный на органы прокуратуры.

Широко используются в банковской сфере налоговый, таможенный, финансовый, валютный контроль. Применяются и негосударственные формы контроля, например: внешний и внутренний аудит, внутренний контроль в кредитных организациях (ст. 95 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», ст. 24 Закона о банках), а также общественный контроль. Общественный контроль над функционированием банковской системы и кредитных организаций проявляется в процессе деятельности Национального банковского совета при Банке России, а также общественных организаций по защите прав потребителей, вкладчиков и кредиторов. Кроме того, в процессе банковской деятельности Банк России и кредитные организации активно применяют гражданско-правовой контроль над своими клиентами (например, контроль над целевым расходованием банковских кредитов).

В рамках банковской системы применяются государственный или негосударственный финансовый и валютный контроль. Причем валютный контроль, осуществляемый кредитными организациями, некоторые авторы неправомерно отождествляют с государственным финансовым контролем.

Помимо Банка России, являющегося органом валютного контроля, такой контроль осуществляется Правительством РФ (ст. 11 Закона о валютном контроле). Таким образом, валютный контроль в России существует в двух видах: валютный контроль Банка России и валютный контроль Правительства РФ. Следует отметить, что не вся деятельность Банка России в сфере валютного контроля является банковской с точки зрения предмета и объекта такого контроля, ибо в действующем законодательстве можно выделить два самостоятельных направления валютного контроля Банка России – банковский валютный контроль и собственно валютный контроль.

Первое направление валютного контроля связано с осуществлением контроля над проводимыми кредитными организациями валютными операциями, предметом которых выступают банковские правоотношения и нормы банковского

права. Оно нацелено на обеспечение законности банковских операций и соблюдение кредитными организациями норм банковского законодательства при осуществлении ими операций с валютными ценностями (п. 4 ст. 1 Закона о валютном контроле).

Второе направление валютного контроля реализуется Банком России в отношении валютных операций, совершаемых физическими и юридическими лицами, не являющимися кредитными организациями. Правоотношения между Банком России и упомянутыми лицами в связи с осуществлением ими операций с валютными ценностями имеют характер не банковских, а исключительно валютных правоотношений. Таким образом, Банк России имеет контрольные и надзорные полномочия в сфере валютного контроля в соответствии с банковским и валютным законодательством.

Как отмечает профессор Я.А. Гейвандов, Банк России, согласно закону, может действовать лишь как орган валютного контроля. Его контрольная деятельность в сфере валютных правоотношений, если она непосредственно не связана с банковской деятельностью и нормами банковского права, а осуществляется в интересах достижения целей налогового, таможенного и валютного законодательства, является частью единого валютно-правового режима государства. Это касается, в частности, полномочий Банка России на оформление и выдачу всевозможных валютных разрешений юридическим и физическим лицам на вывоз (ввоз) из (в) России валютных ценностей не в связи с проведением ими банковских операций, а по иным основаниям, закрепленным в валютном законодательстве.

Некоторые авторы рассматривают банковский контроль как составную часть государственного финансового контроля. Однако анализ законодательства, в частности Бюджетного кодекса РФ (БК РФ), Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», Закона о банках показывает, что законодательство России не содержит норм, устанавливающих контрольные полномочия Банка России в сфере государственного финансового контроля. В Бюджетном кодексе РФ он определен как орган денежно-кредитного регулирования (п. 3, 4 ст. 151 БК РФ).

Банк России не вправе контролировать движение бюджетных средств по банковской системе. В соответствии со ст. 23 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)» он лишь «хранит» средства федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов, если иное не установлено федеральными законами, а также осуществляет соответствующие банковские операции. Более того, с 1 января 2000 г. в России была упразднена банковская система кассового исполнения бюджета и введено казначейское исполнение бюджетов (ст. 215 БК РФ).

Таким образом, с вступлением в силу Бюджетного кодекса РФ Банк России юридически

утратил возможность осуществлять даже ту часть полномочий и сфере финансового контроля, которые могли бы быть, ему предоставлены в связи с кассовым исполнением бюджета. В этой связи положения Указа Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации», возлагающие на Банк России функции государственного финансового контроля в соответствии с установленным законодательством РФ разграничением функций и полномочий, не основаны на действующем законодательстве. Таких функций и полномочий у Банка России нет.

Между тем, как отмечает профессор Я.А. Гейвандов, потребность в наделении Банка России полномочиями в сфере государственного финансового контроля объективно существует. Причем упомянутое направление деятельности Банка России в действительности мог бы иметь характер именно государственного финансового контроля, а не банковского надзора. На Банк России могли бы быть возложены полномочия вневедомственного (надведомственного) государственного финансового банковского контроля над целевым расходованием бюджетных средств обслуживаемыми им государственными органами и организациями. Такой контроль мог бы выражаться в предварительном банковском наблюдении, проверке и оценке обоснованности расчетов бюджетными средствами по гражданско-правовым сделкам путем сопоставления предполагаемых платежей и сметы, установленной для получателей бюджетных средств, обслуживаемых Банком России. Подобное право могло бы быть предоставлено тем учреждениям Банка России, которые осуществляют банковское обслуживание государственных органов, органов и юридических лиц, обеспечивающих безопасность РФ, а также в некоторых иных случаях. Автор разделяет указанную точку зрения и считает, что необходимо начать подготовку соответствующего проекта федерального закона.

Между тем мнение профессора Я.А. Гейвандова о том, что в нынешней банковской системе России вообще нет органов или организаций, компетентных осуществлять функцию государственного финансового контроля, представляется дискуссионным. В обоснование своей позиции следует отметить, что кредитные организации, согласно ст. 2 Закона о банках являющиеся составной частью банковской системы, осуществляют контроль над соблюдением их клиентами финансового законодательства, а также законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Итак, автор полагает, что к важнейшим направлениям контроля и надзора в сфере банковской деятельности следует отнести государственный контроль над банковской системой,

контроль и надзор Банка России за кредитными организациями и контроль кредитных организаций за соблюдением их клиентами финансового законодательства.

Государственный контроль над банковской системой предусматривает целенаправленную и планомерную деятельность органов государства в соответствии с федеральным законодательством по осуществлению мер, направленных на обеспечение режима законности на всех стадиях жизненного цикла субъектов банковской деятельности, включая Банк России, в различных направлениях их деятельности. Государственный контроль над соблюдением субъектами банковской деятельности федерального законодательства (бюджетного, налогового, валютного и т. п.) осуществляют Государственная Дума РФ, Счетная палата РФ, Правительство РФ, Министерство финансов РФ, федеральное казначейство, налоговые, таможенные и иные органы в соответствии с их компетенцией.

Таким образом, в банковской системе России реализуется несколько направлений государственной контрольной и надзорной деятельности, осуществляемых различными государственными органами. Это и про-курорский надзор, и государственный финансовый контроль, и налоговый контроль в соответствии с действующим федеральным законодательством, находящиеся вне пределов компетенции Банка России. Это и государственный валютный контроль, который, согласно закону, осуществляют Банк России и Правительство РФ как органы валютного контроля. Это и государственный контроль над деятельностью кредитных организаций в качестве профессиональных участников рынка ценных бумаг, осуществляемый ФКЦБ России. Как отмечает профессор Я.А. Гейвандов, государственная контрольно-надзорная деятельность в банковской системе России включает в себя собственно государственный банковский надзор и государственный банковский контроль над кредитными организациями.

Государственный банковский надзор осуществляется Банком России и направлен на обеспечение соблюдения кредитными организациями норм федерального законодательства и нормативов, устанавливаемых Банком России. Государственный банковский контроль над кредитными организациями осуществляется Банком России в особых случаях, предусмотренных банковским законодательством.

Понятия контроля и надзора в теории российского права и в правоприменительной практике имеют самостоятельное значение и собственное содержание. Контроль как способ обеспечения законности предполагает, как правило, наличие отношений подчиненности между контролирующим и контролируемым лицами. Контролирующее лицо обычно вправе вмешиваться в оперативную, хозяйственную деятельность контролируемого

объекта с целью устранения допущенных нарушений. Кроме того, контроль предполагает оценку деятельности лица не только с точки зрения ее законности, но и целесообразности.

В отличие от контроля, надзор характеризуется отсутствием отношений подчиненности надзорных органов с поднадзорными объектами. В процессе надзора деятельность лица оценивается лишь с точки зрения законности. Действия поднадзорного лица с точки зрения их целесообразности не оцениваются. При этом вмешательство в оперативную, хозяйственную или иную самостоятельно осуществляемую деятельность поднадзорного лица не допускается. Поэтому если контроль может быть не только государственным, но и негосударственным, то надзор, как правило, осуществляется исключительно органами государства. Только суверенитет государства и функции, предоставленные законом его органам, позволяют им, не имея отношений подчиненности или имущественных отношений, оценивать деятельность поднадзорного лица с точки зрения законности. Полномочия же Банка России на назначение временной администрации по управлению кредитной организацией являются не столько собственно контрольной деятельностью, сколько реализацией юридической ответственности кредитной организации за обнаруженные в процессе надзорной деятельности Банка России правонарушения.

Таким образом, о реализации государственного банковского контроля применительно к кредитным организациям правомерно говорить лишь в особых, упомянутых выше случаях, как правило, в качестве санкции за нарушение банковского законодательства. Именно подобного рода случаи (при их закреплении в банковском законодательстве), как представляется, следовало бы именовать государственным банковским контролем.

Итак, в строгом юридическом смысле слова за соблюдением кредитными организациями норм банковского законодательства ведется государственный банковский надзор (ст. 55 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)»). Такая трактовка в полной мере соответствует названию и содержанию гл. 10 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», установившей нормы о банковском надзоре, исключая вмешательство в оперативную деятельность кредитных организаций. Подобные выводы основаны не только на анализе теоретических положений о контрольно-надзорной деятельности, но и на действующем банковском законодательстве.

В качестве способа обеспечения законности банковской деятельности кредитных организаций, включая валютные операции, федеральное законодательство упоминает только банковский надзор. Поэтому наиболее точно особенности государственной деятельности по обеспечению законности банковских операций кредитных ор-

ганизаций с валютными ценностями могли бы быть выражены термином «банковский валютный надзор».

То же самое касается антимонопольного контроля, упоминаемого в ст. 32 Закона о банках, который в большей мере является разновидностью банковского надзора, чем самостоятельным направлением банковского контроля. Банковский валютный надзор за кредитными организациями, как представляется, включает надзор за соблюдением ими банковских правил работы с валютными ценностями, а также государственный надзор за деятельностью уполномоченных банков в качестве агентов валютного контроля.

Что же касается контрольных функций Банка России, возложенных на него другими (небанковскими) федеральными законами, то они реализуются не в связи с банковской деятельностью кредитных организаций. Поэтому соответствующие контрольные полномочия Банка России выступают предметом регулирования иных отраслей российского законодательства (валютное, таможенное, налоговое, бюджетное, гражданское и т. п.) и могут именоваться банковскими с большой натяжкой, да и то лишь потому, что их осуществляет Банк России. Данный вывод имеет большое значение для разграничения контроля и надзора в сфере банковской деятельности.

Говоря о банковском надзоре, можно выделить следующие основные направления его осуществления:

а) надзор за соблюдением государственных стандартов устойчивости кредитных организаций, в том числе обязательных экономических нормативов. В нормативных актах Банка России этот вид надзора часто именуется пруденциальным надзором;

б) надзор за законностью осуществления кредитными организациями банковских операций, включая операции с валютными ценностями;

в) надзор за соблюдением иных норм федерального законодательства, нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ и Банка России по различным вопросам деятельности кредитных организаций (соблюдение антимонопольных правил, правил, защищающих права потребителей банковских услуг, требований к обеспечению банковской безопасности, и т. п.).

В общем виде объекты банковского надзора закреплены в банковском законодательстве. К ним относятся кредитные организации. Однако, помимо самих кредитных организаций, к объектам банковского надзора следует отнести филиалы и представительства кредитных организаций в РФ и за ее пределами, а также филиалы и представительства иностранных банков в России.

Субъектом банковского надзора является Банк России. Функции банковского надзора могут осуществляться Банком России, его высшими органами управления, органом банковского надзора при Банке России, создаваемым по решению

Совета директоров, а также территориальными учреждениями Банка России. Банковский надзор обеспечивается путем постоянного наблюдения и проведения проверок. Первоочередными задачами банковского надзора, осуществляемого Банком России, является обеспечение законности организации и деятельности кредитных организаций, обеспечение надежности и устойчивости банковской системы в целом и каждой кредитной организации в отдельности, поддержание их стабильности и ликвидности, а также защита интересов вкладчиков и кредиторов.

Основными принципами банковского надзора являются: законность, постоянность, беспристрастность проверяющих лиц по отношению к поднадзорному объекту, а также непосредственность, предполагающая осуществление надзора именно Банком России. В этой связи, как указывает профессор Я.А. Гейвандов, вызывает сомнение законность положений ст. 74 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», позволяющих Банку России поручать проведение надзорных проверок коммерческим организациям (аудиторским фирмам). Между тем банковский надзор – это государственная функция, возложенная на Банк России. Конституция РФ не позволяет делегировать государственные полномочия федеральных государственных органов коммерческим организациям. С учетом упомянутых противоречий, говоря о соотношении банковского надзора и банковского аудита, профессор Я.А. Гейвандов отмечает, что норма ст. 74 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)» признает разновидностями банковского надзора как проверку, проводимую Банком России, так и аудиторскую проверку, осуществляемую коммерческой (аудиторской) фирмой. Однако в процессе банковского надзора деятельность кредитной организации оценивается лишь с точки зрения законности. А банковский аудит, являясь формой негосударственного контроля, предусматривает оценку деятельности кредитных организаций с точки зрения целесообразности в интересах собственников (учредителей), юридических лиц, их кредиторов и лиц, пользующихся их услугами. Отношения между аудиторскими фирмами и проверяемыми лицами имеют гражданско-правовой характер.

Предмет банковского надзора составляет банковская деятельность кредитных организаций, в ходе которой должны соблюдаться банковское законодательство и иные нормативные акты, содержащие нормы банковского права России. Из содержания ст. 55 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)» следует, что предмет банковского надзора не ограничен обязательными нормативами. Предметом банковского надзора охватываются практически все нормы банковского законодательства и нормативных правовых актов Банка России, касающиеся кредитных организаций, их филиалов, фи-

лиалов и представительств иностранных банков.

Одним из важнейших направлений государственной контрольно-надзорной деятельности в банковской системе РФ является банковский надзор за соблюдением обязательных экономических нормативов, направленных на обеспечение устойчивости банковской системы и кредитных организаций. Во многих нормативных правовых актах Банка России этот вид банковского надзора именуется пруденциальным (от англ. *prudent* – благоразумный) банковским надзором. В банковском законодательстве России этот термин не упоминается. В федеральном законодательстве содержание и особенности пруденциального банковского надзора не раскрываются. Однако более чем в 150 нормативных правовых актах Банка России активно используются такие правовые категории, как «пруденциальный надзор», «пруденциальные нормы деятельности». Для осуществления пруденциального надзора в центральном аппарате Банка России создан Департамент пруденциального надзора.

Анализ банковского законодательства позволяет сделать вывод о том, что пруденциальный надзор отличается от других видов банковского надзора тем, что его предметом являются государственные стандарты, обеспечивающие устойчивость банковской системы и кредитных организаций.

Задача пруденциального надзора, по мнению О. Н. Антиповой, состоит «в том, чтобы посредством постоянного контроля обнаружить на ранней стадии возникновение проблем в банке, обострение которых может вызвать неплатежеспособность и банкротство кредитной организации, в целях проведения действенных мероприятий для преодоления выявленных негативных явлений и тенденций». Поэтому вряд ли можно признать обоснованным мнение о том, что отличительным признаком пруденциального надзора является его «документарный» или «дистанционный» характер. Банковский надзор за соблюдением государственных стандартов устойчивости кредитных организаций может осуществляться не только в документарной (дистанционной) форме, но и в процессе проверок с выездом на место. Полномочия и процедуры банковского надзора за соблюдением кредитными организациями государственных стандартов закреплены в нормативных актах Банка России.

Надзор осуществляется на основании ежемесячных балансов кредитной организации, к которым прилагаются справки с расчетами фактических значений обязательных экономических нормативов и расшифровка отдельных балансовых счетов, подписываемые руководителем и главным бухгалтером кредитной организации. Ответственность за достоверное и правильное составление расчетов обязательных экономических нормативов и расшифровок отдельных балансовых счетов для расчета нормативов несут

банки. При этом банки, у которых отозвана лицензия на совершение банковских операций, не рассчитывают обязательные экономические нормативы.

Помимо надзора за соблюдением кредитными организациями экономических нормативов, Банк России следит за соблюдением ими норм обязательных резервов, депонируемых в Банке России, за финансовым положением и т.п.

Надзорная деятельность государства может быть эффективной только при условии, что все виды банковского надзора за банковской деятельностью кредитных организаций, включая валютный надзор, применяются в комплексе. Непосредственным предметом банковского валютного надзора, осуществляемого в порядке ст. 55 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», является та часть деятельности кредитных организаций с иностранной валютой и валютными ценностями, которая непосредственным образом связана с реализацией норм банковского права. Это могут быть банковские операции, осуществляемые ими, например, в интересах своих клиентов. Это может быть надзор за использованием валюты иностранного государства и платежных средств в иностранной валюте в качестве средства платежа в России, проведение меж-дународных расчетов, включая валютные операции, связанные с движением капитала, а также расчеты между резидентами и нерезидентами в валюте РФ. Это может быть надзор за валютными резервами кредитных организаций, за соблюдением ими банковских правил, направленных на ограничение валютных рисков, а также правил приобретения и продажи иностранной валюты и т.п. Предметом банковского валютного надзора является также осуществляемый Банком России надзор за соблюдением уполномоченными банками лимитов открытой валютной позиции.

Приказом Банка России от 22 мая 1996 г. № 02-171 «О введении в действие Инструкций «Об установлении лимитов открытой валютной позиции и контроле за их соблюдением уполномоченными банками Российской Федерации» и «О порядке отчетности по конверсионным операциям уполномоченных банков Российской Федерации, являющихся ведущими операторами межбанковского валютного рынка». Предметом иных направлений банковского надзора является надзор Банка России за соблюдением кредитными организациями установленных им правил ведения банковских операций, включая наличные и безналичные расчеты в РФ, правил денежного обращения, за порядком ведения кассовых операций и т. п. Кроме того, в рамках банковского надзора Банк России обеспечивает соблюдение кредитными организациями:

- федеральных законов (например, антимонопольных, о защите прав потребителей банковских услуг), нормативных правовых актов Президента

и Правительства РФ, касающиеся банков и банковской деятельности;

- требований к банковской безопасности и к банковской инфраструктуре;

- требований банковского законодательства и Банка России к профессиональным и личным качествам руководителей кредитных организаций. Именно в процессе надзорно-контрольной деятельности Банк России проверяет соблюдение кредитными организациями своих предписаний и предупреждений, направленных на устранение обнаруженных правонарушений и недостатков.

Банк России не оставляет без внимания и деятельность кредитных организаций на финансовых рынках. С принятием Закона о банкротстве возникло и развивается новое направление контрольно-надзорной деятельности за кредитными организациями, связанное с необходимостью постоянного наблюдения за процессами оздоровления кредитных организаций и реализацией процедуры банкротства. Так, при принятии мер предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций Банк России в устанавливаемый им срок требует от кредитной организации представления ему плана мер ее финансового оздоровления и контролирует его выполнение (ст. 13 Закона о банкротстве).

Большое значение для теории и практики банковского надзора имеет точное определение начального этапа этого вида государственного регулирования. В научной литературе высказано мнение о том, что начальным этапом банковского надзора является контроль над созданием кредитных организаций. Однако такой подход трудно поддержать в полной мере. В строгом юридическом смысле государственная деятельность по созданию, регистрации и лицензированию кредитных организаций имеет, скорее, характер банковского регулирования, а не банковского надзора. Поскольку банковский надзор – это та стадия управленческого процесса, которая предполагает проверку выполнения принятых решений, характеризует результат фактически осуществленного процесса, то проверка законности приобретения статуса кредитной организации возможна только после ее регистрации и лицензирования.

Банковское законодательство – это специфическое структурное образование в системе российского законодательства, в которое входят нормы различных отраслей права, регулирующих разнообразные аспекты деятельности кредитно-банковской системы. Такое структурное образование одни авторы называют комплексной отраслью законодательства (Е.П. Андреев), другие – комплексной отраслью права (Г.А. Тосунян). По нашему мнению, бесспорно признание банковского законодательства в качестве комплексной отрасли законодательства.

Комплексный характер банковского законодательства позволяет относить к нему наряду

со специальными банковскими законами другие федеральные законы, которые содержат нормы, в той или иной мере затрагивающие банковскую деятельность. К ним, в частности, относятся нормы, содержащиеся в Гражданском, Уголовном, Трудовом кодексах РФ, Законе о валютном контроле и некоторых других. Специальное банковское законодательство включает Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Закон о банках, Закон о банкротстве банков, Закон о реструктуризации банков и др. Они занимают ведущее место среди источников правового регулирования банковской деятельности, а центральное место среди них занимают Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Закон о банках.

Список литературы:

- [1] См.: Масленников В.В., Соколов Ю.А. Национальная банковская система. М., 2002. С. 59, 60.
- [2] Топорнин Н.Б. О статусе Центрального банка. Сравнительно-правовой анализ на примере отдельных стран // Деньги и кредит. 1993. № 5. С. 26.
- [3] Камалов М.М. Правовые основы корпоративного управления в акционерных обществах Республики Узбекистан // Право и управление. 2021. № 1. С. 29.
- [4] См.: СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 167.
- [5] См.: Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 7.
- [6] Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. К вопросу о предмете деятельности субъекта в образовательном процессе // Право и управление. 2021. № 1. С. 19.
- [7] Бурляева Т. Правовой статус органов управления банковской системой в Российской Федерации // Право и жизнь. 2003. № 12. С. 9.
- [8] Тосунян Г.А., Видулин А.Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы. М., 2000. С. 94.
- [9] Усанов В.Е. Проблемы использования интеллектуальной собственности электронными библиотеками в сети «Интернет» // Право и управление. 2021. № 1. С. 22.
- [10] Гейвандов Я.А. Государственное регулирование банковской деятельности в условиях федеративного устройства современной России // Россия и ее субъекты: право и политика. 2000. № 1. С. 52.
- [11] См.: Гейвандов Я.А. Содержание и основные направления государственной надзорно-контрольной деятельности в банковской сфере // Юрист. 2000. № 6. С. 24.
- [12] См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных

направлениях внутренней и внешней политики государства): Стенограмма выступления 18 апреля 2002 г. М.: ФГУП Издательство «Известия», 2002. С. 27.

[13] Янишевская Я.А. Европейская модель валютной интеграции // Право и управление. 2021. № 1. С. 32.

[14] См., напр.: Банковский надзор и аудит: Учебное пособие / Под общ. ред. И.Д. Мамоновой. М.: ИНФРА-М, 1995. С. 39; Антипова О.Н. Стандарты банковского надзора в России. М.: ЦПП ЦБ РФ, 1999. С. 37; Антипова О.Н. Международные стандарты банковского надзора. М.: ЦПП ЦБ РФ, 1997. С. 112; Парамонова Т.В. О повышении качества надзора за кредитными организациями / Деньги и кредит. 1999. № 10. С. 3–7.

[15] См., напр.: Положение об организации внутреннего аудита в Центральном банке РФ, утвержденное Приказом Банка России от 31 марта 1997 г. № 02-140; Письмо Банка России от 7 октября 1999 г. № 289-Т «О мерах по повышению уровня внутреннего контроля в банках»; Положение Банка России «Об организации внутреннего контроля в банках» от 28 августа 1997 г. № 509; Письмо Банка России от 18 августа 1998 г. № 173-Т «О применении Положения Банка России от 28 августа 1997 г. № 509 «Об организации внутреннего контроля в банках»; Указание Банка России от 7 июля 1999 г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях».

[16] См., напр.: Карасева М.В. Финансовое право. Общая часть: Учебник. М.: Юрист, 1999. С. 176.

[17] См.: Гейвандов А.Я. Содержание и основные направления государственной надзорно-контрольной деятельности в банковской сфере // Юрист. 2000. № 6. С. 25.

[18] См.: Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 159-ФЗ «О введении в действие Бюджетного кодекса Российской Федерации», ст. 2. Необходимо отметить, что казначейская система исполнения бюджета вместо банковской начала создаваться в 1992 г. (см., например: Указ Президента РФ от 8 декабря 1992 г. № 1556 «О федеральном казначействе»).

[19] См.: СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3696.

[20] Газимагомедов М.А. Историческое формирование и развитие школы правового процесса в Российской Федерации в середине XX в. // Право и управление. 2021. № 4. С. 56.

[21] См.: Гейвандов Я.А. Содержание и основные направления государственной надзорно-контрольной деятельности в банковской сфере // Юрист. 2000. № 6. С. 26.

[22] Газимагомедов М.А. Историческое формирование и развитие школы правового процесса в Российской Федерации в середине XX в. // Право и управление. 2021. № 4. С. 56.

[23] Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Модель правовых статусов субъектов образовательного процесса как многоуровневой системы с расширенным функционалом // Право и управление. 2021. № 4. С. 46.

[24] Шокумов Ю.Ж. Судебные акты в системе гражданского процессуального законодательства Российской Федерации // Право и управление. 2021. № 3. С. 39.

[25] См.: Гейвандов Я.А. Государственный банковский надзор России // В учебнике: Банковское право Российской Федерации. Особенная часть: В 2 т. / Отв. ред. Г.А. Тосунян. М.: Юрист, 2001. Т. 1. С. 339.

[26] Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Предмет деятельности субъекта в образовательном процессе // Право и управление. 2021. № 3. С. 44.

[27] Например, из ст. 19 Закона о банках следует, что меры ответственности, предусмотренные в ст. 75 Федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», применяются только в порядке надзора. Возможность применения Банком России каких-либо мер юридической ответственности к кредитным организациям в порядке контроля банковским законодательством вообще не предусматривается.

[28] См.: Федеральный закон «О Центральном банке (Банке России)» в редакции Федерального закона от 21 марта 2002 № 31-ФЗ, ст. 5 // СЗ РФ. 2002. № 12.

[29] См.: Гейвандов Я.А. Государственный банковский надзор России // В учебнике: Банковское право Российской Федерации. Особенная часть: В 2 т. / Отв. ред. Г.А. Тосунян. М.: Юрист, 2001. С. 63.

[30] Кутафина Н.Н. Возобновляемые источники энергии: перспективы развития // Право и управление. 2021. № 3. С. 46.

[31] Информация получена на основе анализа нормативных актов Банка России, содержащихся в СПС «Консультант плюс» по состоянию на 30 мая 2008 г.

[32] См.: Антипова О.Н. Стандарты банковского надзора в России. М.: ЦПП Банка России, 1999. С. 67.

[33] См.: Инструкция Банка России от 1 октября 1997 г. № 1 «О порядке регулирования деятельности банков» и Положение Банка России «О введении в действие Положения «О пруденциальном регулировании деятельности небанковских кредитных организаций, осуществляющих операции по расчетам, и организаций инкассации» (утверждено Приказом Банка России от 8 сентября 1997 г. № 02-390) // СПС «Консультант плюс».

[34] См., напр.: Приказ Банка России от 18 июля 1997 г. № 02-312 «О введении в действие «Временного положения о региональных центрах Банка России по контролю за деятельностью кредитных организаций на финансовых рынках».

[35] См.: Антипова О.Н. Стандарты банковского надзора в России. М.: ЦПП Банка России, 1999.

References:

[1] See: Maslennikov V.V., Sokolov Yu.A. National Banking System. Moscow, 2002. Pp. 59, 60.

[2] Topornin N.B. On the Status of the Central Bank. Comparative Legal Analysis Using the Example of Individual Countries // Money and Credit. 1993. No. 5. Pp. 26.

[3] Kamalov M.M. Legal Foundations of Corporate Governance in Joint-Stock Companies of the Republic of Uzbekistan // Law and Management. 2021. No. 1. Pp. 29.

[4] See: Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 3. Art. 167.

[5] See: Ebzeev B.S. Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: Theoretical and Practical Problems // State and Law. 1998. No. 5. P. 7.

[6] Molchanov S.V., Grudtsyna L.Yu. On the Subject of a Subject's Activity in the Educational Process // Law and Management. 2021. No. 1. P. 19.

[7] Burlyayeva T. Legal Status of Governing Bodies of the Banking System in the Russian Federation // Law and Life. 2003. No. 12. P. 9.

[8] Tosunyan G.A., Vikulin A.Yu. Money and Power. The Theory of Separation of Powers and Problems of the Banking System. Moscow, 2000. P. 94.

[9] Usanov V.E. Problems of Using Intellectual Property by Electronic Libraries on the Internet // Law and Management. 2021. No. 1. P. 22.

[10] Geivandov Ya.A. State Regulation of Banking Activities in the Context of the Federal Structure of Modern Russia // Russia and Its Subjects: Law and Policy. 2000. No. 1. P. 52.

[11] See: Geivandov Ya. A. Content and Main Directions of State Supervisory and Control Activities in the Banking Sphere // Jurist. 2000. No. 6. P. 24.

[12] See: Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (On the Situation in the Country and the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the State): Transcript of the Speech on April 18, 2002. Moscow: FSUE Izvestia Publishing House, 2002. P. 27.

[13] Yanishevskaya Ya. A. European Model of Monetary Integration // Law and Management. 2021. No. 1. P. 32.

[14] See, for example: Banking Supervision and Audit: A Textbook / General editor I.D. Mamonova. Moscow: INFRA-M, 1995. P. 39; Antipova O.N. Standards of Banking Supervision in Russia. Moscow: Central Bank of the Russian Federation Supervisory Authority, 1999. P. 37; Antipova O.N. International Standards of Banking Supervision. Moscow: Central Bank of the Russian Federation Supervisory Authority, 1997. P. 112; Paramonova T.V. On Improving the Quality of Supervision of Credit Institutions / Money and Credit. 1999. No. 10. Pp. 3–7.

[15] See, for example: Regulation on the

Organization of Internal Audit in the Central Bank of the Russian Federation, approved by Order of the Bank of Russia dated March 31, 1997 No. 02-140; Letter of the Bank of Russia dated October 7, 1999 No. 289-T «On Measures to Improve the Level of Internal Control in Banks»; Regulation of the Bank of Russia «On the Organization of Internal Control in Banks» dated August 28, 1997 No. 509; Letter of the Bank of Russia dated August 18, 1998 No. 173-T «On the Application of Regulation of the Bank of Russia dated August 28, 1997 No. 509 «On the Organization of Internal Control in Banks»; Bank of Russia Instruction of July 7, 1999 No. 603-U «On the Procedure for Implementing Internal Control over Compliance of Activities in Financial Markets with Legislation on Financial Markets in Credit Institutions.»

[16] See, for example: Karaseva, M.V. Financial Law. General Part: Textbook. Moscow: Yurist, 1999. P. 176.

[17] See: Geyvandov, A.Ya. Content and Main Directions of State Supervisory and Control Activities in the Banking Sphere // Jurist. 2000. No. 6. P. 25.

[18] See: Federal Law of July 9, 1999 No. 159-FZ «On the Introduction of the Budget Code of the Russian Federation», Art. 2. It should be noted that the treasury system of budget execution, replacing the banking system, began to be created in 1992 (see, for example: Decree of the President of the Russian Federation of December 8, 1992, No. 1556 «On the Federal Treasury»).

[19] See: Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 31. Article 3696.

[20] Gazimagomedov M.A. Historical Formation and Development of the School of Legal Process in the Russian Federation in the Mid-Twentieth Century // Law and Management. 2021. No. 4. P. 56.

[21] See: Geivandov Ya.A. Content and Main Directions of State Supervisory and Control Activities in the Banking Sphere // Jurist. 2000. No. 6. P. 26.

[22] Gazimagomedov M.A. Historical Formation and Development of the School of Legal Procedure in the Russian Federation in the Mid-Twentieth Century // Law and Management. 2021. No. 4. P. 56.

[23] Molchanov S.V., Grudtsyna L.Yu. Model of Legal Statuses of Subjects of the Educational Process as a Multi-Level System with Expanded Functionality // Law and Management. 2021. No. 4. P. 46.

[24] Shokumov Yu.Zh. Judicial Acts in the System of Civil Procedural Legislation of the Russian Federation // Law and Management. 2021. No. 3. P. 39.

[25] See: Geivandov Ya.A. State Banking Supervision of Russia // In the textbook: Banking Law of the Russian Federation. Special Part: In 2 volumes / Ed. G.A. Tosunyan. M.: Jurist, 2001. Vol. 1. P. 339.

[26] Molchanov S.V., Grudtsyna L.Yu. The subject of the subject's activity in the educational process // Law and Management. 2021. No. 3. P. 44.

[27] For example, it follows from Article 19 of the Law on Banks that the liability measures provided for in Article 75 of the Federal Law "On the Central Bank

(Bank of Russia)” are applied only in the supervisory procedure. The possibility of application

[28] See: Federal Law «On the Central Bank (Bank of Russia)» as amended by Federal Law of March 21, 2002 No. 31-FZ, Art. 5 // C3 RF. 2002. No. 12.

[29] See: Geivandov Ya. A. State banking supervision of Russia // In the textbook: Banking law of the Russian Federation. Special part: In 2 volumes / Ed. G. A. Tosunyan. Moscow: Yurist, 2001. P. 63.

[30] Kutafina N. N. Renewable energy sources: development prospects // Law and Management. 2021. No. 3. P. 46.

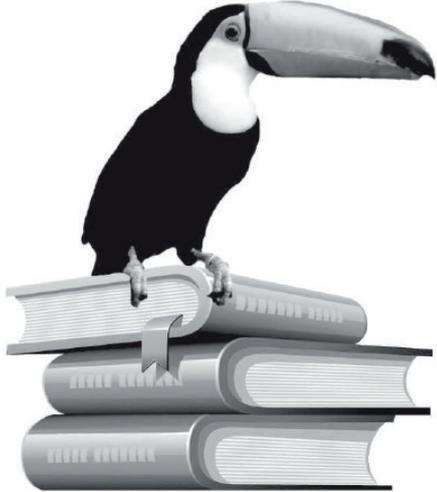
[31] The information was obtained based on the analysis of the Bank of Russia regulations contained in the Consultant Plus SPS as of May 30, 2008.

[32] See: Antipova, O.N. Banking Supervision Standards in Russia. Moscow: Central Bank of Russia, 1999. P. 67.

[33] See: Bank of Russia Instruction of October 1, 1997, No. 1, “On the Procedure for Regulating Bank Activities,” and the Bank of Russia Regulation “On the Implementation of the Regulation “On Prudential Regulation of the Activities of Non-Bank Credit Institutions Carrying Out Settlement Operations and Collection Organizations” (approved by Bank of Russia Order No. 02-390 of September 8, 1997) // Consultant Plus SPS.

[34] See, for example: Order of the Bank of Russia dated July 18, 1997 No. 02-312 “On the Implementation of the “Temporary Regulation on Regional Centers of the Bank of Russia for Control over the Activities of Credit Institutions in Financial Markets.”

[35] See: Antipova O.N. Standards of Banking Supervision in Russia. Moscow: Central Bank of Russia Supervisory Authority, 1999. P. 9.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.10.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2025 г.

ГАЗИМАГОМЕДОВ Магомед Аминович,
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры теории государства и права
Северо-Кавказского института
Всероссийского государственного университета юстиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ В СССР

Аннотация. Статистика решений судов во многих постсоветских и постсоциалистических странах показывает, что, несмотря на смену государственного строя, судейских кадров, организации судов и процессуальных норм, судьи устойчиво демонстрируют готовность принимать позицию следствия и государственного обвинения, не проявляя самостоятельности. Таким образом, если люди, занимающие должности судей, в системе поменялись, многие аспекты самой системы также изменились; а статистика упрямо показывает, что поведение судей и судебной системы осталось прежним, значит, имеет место сильная институциональная инерция.

Ключевые слова: судейские кадры, статистика, оправдательные приговоры, состязательность в судебном процессе.

GAZIMAGOMEDOV Magomed Aminovich,
candidate of legal sciences, associate professor,
associate professor of the Department of State Theory and Law
of the North Caucasus Institute
of the All-Russian State University of Justice

HISTORICAL MODEL OF ORGANIZING COURT ACTIVITIES IN THE USSR

Annotation. What causes the resistance of the Soviet model of behaviour of the courts? That supports institutional inertia. These questions concerning the sustainability of the so-called accusatory justice, its origin and reproduction, are the most important in modern Russia. They affect the main and most painful issues of post-Soviet justice, and through them you can reach the most important peculiarities of structure and functioning of the Russian judicial system.

Key words: judicial personnel, statistics, acquittals, adversarial judicial process.

В советское время партийный контроль над правоохранительными органами, частью которых был суд, единство правоохранительных органов и архитектура уголовного процесса обеспечивали конформность судей без необходимости какого-либо дополнительного внешнего воздействия. Но после распада СССР и придания судебной власти в России статуса самостоятельного института, введения пожизненного назначения судей и принятия нового УПК, предполагающего состязательность в судебном процессе, обеспечение интересов следствия и прокуратуры стало гораздо более проблематичным. Оно вызвало, с одной стороны, развитие различных формальных и неформальных механизмов влияния прокуратуры на судей, а с другой стороны, адаптацию судей к новым условиям в виде различных компромиссов за счет подсудимого, чтобы и не конфликтовать с гособвинением, но и не наказывать сильно тех, чья

вина не доказана [5].

Этому явлению посвящена статья Эллы Панеях. В ней описываются мягкие и жесткие способы давления прокуратуры на суды, а также исследуется реакция судей на это давление. Используя статистику приговоров по статьям с различной тяжестью наказания, Э. Панеях анализирует поведение судей в делах частного обвинения (без прокурора), частно-публичного и публичного обвинения (с прокурором), а также назначение наказаний по статьям различной тяжести, предполагающее и не предполагающее реальные тюремные сроки. Этот анализ выявляет несколько типичных способов принятия судебных решений, носящих компромиссный характер. Признавая подсудимого виновным и тем самым подтверждая правоту следствия и гособвинения, судьи, тем не менее, стремятся не осуждать людей к реальным срокам, побуждать к примирению сторон или приговаривать к условным срокам, причем число

таких «суррогатных» оправданий растет с ростом тяжести преступлений. А в более тяжких составах, где «суррогатные» оправдания недоступны, судьи сдвигают наказание в сторону нижнего предела. Логика принятия судебных решений, которая выработалась в среде постсоветских судей, утверждает Э. Панеях, представляет собой искусство практических компромиссов (в большинстве за счет подсудимых) между интересами государственного обвинения и профессиональным долгом судить по закону и справедливости.

Данные о социально-демографической структуре российских судей, ротации судейского корпуса, предшествующем профессиональном опыте, а также анализ ценностей и норм этой профессиональной группы приводятся в тексте Вадима Волкова и Арины Дмитриевой.

Эти данные получены в результате анкетного опроса судей, проведенного в шести регионах РФ, и экспертных интервью. Обладая высокой степенью нормативного консенсуса, т. е. разделяя основные ценности и нормы профессии, российский судейский корпус, тем не менее, обнаруживает различные субкультуры, связанные с гендерным и возрастным разделением, а также наличием опыта работы в прокуратуре и следствии или в аппарате суда. Более молодое поколение судей, пришедшее после реформ начала 2000-х гг., обладает более четко выраженной ориентацией на бюрократические нормы аккуратности и дисциплины. Со сменой поколения также снижается субъективная важность центральных норм профессии, таких, как независимость и бескорыстность. Преимущество в судебной системе обеспечивается председателями судов, среди которых более высокий процент мужчин и представителей старшего поколения, вступивших в должность в советское время. Институт председателей, как показывает опрос, оказывает сильное влияние на профессиональную деятельность судей.¹

Сама модель уголовного процесса, сложившаяся с 1960-х гг., не предполагала отдельной функции суда, а отводила ему роль последней инстанции по проверке качества следствия, и когда эта модель усваивалась следователями, прокурорами и судьями, то возможности вынесения оправдательного приговора, т. е. дисквалификации работы предшествующих звеньев, были для судей минимальны по определению. Профессионализация судей в СССР, выразившаяся в росте доли судей с высшим юридическим образованием, означала, по мнению автора, также усвоение ими положений правовой доктрины, в рамках которой суд занимал подчиненное положение, а вопросы виновности решались на предварительном следствии. Тогда устойчивость обвинительного уклона, т. е. ничтожно малая доля оправдатель-

ных приговоров в современной России, объясняется тем, что базовая архитектура уголовного процесса, логика которого не предполагает оправдания подсудимого, сохранилась до сих пор, несмотря на принятие нового УПК.

Судьи судов первой инстанции избегают выносить оправдательные приговоры из-за высокого риска отмен в вышестоящих судах: оправдательные приговоры отменяются во много раз чаще обвинительных. А несколько отмененных приговоров могут сильно осложнить карьеру судьи и привести к отставке [7, с. 7]. Другим фактором служит то, что А. Трошев называет «неформальными связями» между судьями и прокурорами, обусловленными тем, что значительная доля районных судей в прошлом работали в прокуратуре. А носителями отрицательного советского отношения к оправдательным приговорам и сторонниками их отмены в апелляции и в кассации являются судьи, вступившие в должность в советское время, среди которых доля выходцев из прокуратуры выше, чем среди районных [5]. Например, К. Титаев и М. Поздняков уточняют смысл термина «обвинительный уклон», приводят выражающие этот уклон статистические показатели и прослеживают его употребление и происхождение в советской правовой доктрине. В советский период обвинительный уклон понимался как нарушение принципа полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Статья К. Титаева и М. Позднякова отличается тем, что в ней делается упор на процессуальное регулирование правоохранительной деятельности, предполагавшей единство принципов, по которым действуют органы предварительного следствия, прокуратура и суд.

Одним из механизмов, обеспечивающих слаженную работу и удовлетворение интересов основных инстанций уголовного процесса, является так называемый особый порядок судебного разбирательства. В России на него соглашаются более 60% подсудимых.

Уровень консенсуса среди судей высших судов является традиционным предметом в эмпирических исследованиях права. Текст А. Верещагина, посвященный особым мнениям в Конституционном Суде РФ, переносит эту традицию в российский контекст. При этом автор оговаривается, что публикация особых мнений судей Конституционного Суда РФ была ограничена и уровень доступа к ним менялся во времени [3, с. 250–266].

А. Верещагин анализирует изменение числа особых мнений по годам и их авторство, вводя «коэффициент публичного несогласия» как отношение числа особых мнений к количеству судей, участвовавших в принятии решения. Кроме того, А. Верещагин прослеживает изменение во

1 Анализ судебной статистики по применению особого порядка показывает, что существенного снижения сроков лишения свобода в особом порядке не происходит.

времени численности группы судей, чье мнение отклонялось от позиции большинства. В период с 1993 по 1997 гг. наблюдался высокий уровень открытого несогласия судей с мнением большинства, после 1998 г. уровень несогласия снизился, а публичный консенсус заметно усилился, и автор приводит ряд объяснений упадка института особых мнений в Конституционном Суде в 2000-е гг. Доверие российских граждан к судам остается низким на протяжении всего постсоветского периода, однако это не мешает гражданам использовать судебную систему с растущей интенсивностью (это относится к гражданским и арбитражным процессам) [3, с. 266].

Используем данные массовых опросов российских домохозяйств и предпринимателей для выяснения мотивов обращения в суд, чтобы проверить три основные гипотезы относительно мотивов обращения в суды:

- наличие конфликта (необходимости);
- наличие возможностей и опыта участия в судебном процессе;
- отношение к закону.

Общественное мнение, уровень доверия к судам и отношение к закону не оказывают существенного воздействия на решение граждан и хозяйствующих субъектов обращаться в суды, а наличие предшествующего опыта и необходимость судиться являются достаточными мотивами для использования судебной системы. Выводы могут служить иллюстрацией того, что качество работы арбитражных судов и рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции достаточно для того, чтобы судебная система была востребована гражданами, когда у них возникает такая необходимость. Каковы источники и методы изменения судебной системы?

В Европе нет политических механизмов, которые обязывали бы правительства менять национальные судебные системы и приводить их к единому образцу. Изменение национальных судебных систем под воздействием европейских правовых стандартов происходило, на наш взгляд, за счет межпрофессионального общения, мониторинга и перманентного внедрения международных стандартов подотчетности – правовой, институциональной, управленческой, профессиональной и общественной [7, с. 7].

ЕСПЧ обнаружил брешь в принципе равенства сторон, потому что совершение преступления было спровоцировано представителями государства, находившимися под прикрытием, при отсутствии каких-либо предположений о вине объекта этой провокации.

Традиционно в постсоветских правовых системах разделяют несколько этапов.

Первый этап – рассмотрение дела в первой инстанции – первое рассмотрение дела по существу. Этим занимаются мировые судьи (если речь идет о незначительных гражданских, административных и уголовных делах), судьи районных судов

(для более серьезных уголовных и гражданских дел, а также сложных административных дел), суды субъектов Российской Федерации (для особо тяжких уголовных дел) и арбитражные суды субъектов – для рассмотрения споров в сфере экономической деятельности.

В апелляционной инстанции – на втором этапе – дело повторно и полностью рассматривается, если какая-то сторона пожелала обратиться с жалобой. Однако, как правило, представить новые доказательства, такие, которые отсутствовали в деле на стадии рассмотрения в первой инстанции, в апелляции уже нельзя. В России существует система апелляционного обжалования решений мировых судей в районные суды и решений арбитражных судов – в арбитражные апелляционные суды. Кроме того, существует система кассационного обжалования – на предмет проверки правильности применения закона (т.е. толкования применительно к конкретному случаю). В России такое обжалование осуществляется в арбитражных судах федеральных округов и в верховных судах субъектов РФ. Наконец, возможно надзорное обжалование – в исключительных случаях в Высший Арбитражный Суд, Верховный Суд и верховные суды субъектов РФ.

Перед каждым уровнем судебной системы стоят, по замыслу создателей судебной системы, свои задачи. Однако российский юридический язык не приспособлен к тому, чтобы эти задачи как-то отражать: так, в двух ключевых для арбитражной системы законах [1] нет ни слова о том, каковы цели, задачи или смысл существования той или иной инстанции, того или иного уровня судопроизводства. Предполагается, что «намерение законодателя» или очевидно, или может быть эксплицировано в профессиональной дискуссии.

Предлагаемое эмпирическое исследование состоит в выявлении

тех реальных функций, которые выполняет та или иная судебная инстанция, через анализ того, как этот суд функционирует, кто и в каких

случаях в него обращается и как суд реагирует на различные внешние раздражители. Однако эмпирическое исследование правовых институтов делает очевидным тот факт, что функции, которые являются манифестными (явными) для тех или иных судов, очень часто не являются единственными или даже основными. Так, в советской системе уголовные суды более высоких инстанций, которые призваны были защищать права подсудимых, на практике занимались по преимуществу бюрократическим контролем показателей, которые должны были достигаться нижестоящими судами и вылавливанием очевидных огрехов этих судов. Они занимались не рассмотрением вопросов об адекватности решения, но устранением очевидных (как правило, бюрократических же) ошибок, таких, как путаница с фамилиями подсудимых, номерами статей кодексов и т. п. [4]

Иными словами, декларируемая функция защиты прав подсудимых была заменена функцией простого бюрократического контроля.

Второй пример трансформации манифестной функции – это история федеральных (окружных) апелляционных судов в США. Они были

созданы в конце XIX в. для разгрузки Верховного суда от потока однообразных дел, касающихся нарушения прав граждан, гарантированных

Конституцией и федеральными нормативными актами. Однако уже через полвека апелляционные суды стали, по сути, основными творцами законов в США (на внесудебных кейсах эта ситуация описана в [2]). Их решения диктуют правила толкования тех или иных норм Конституции, решений Верховного суда, федеральных актов. С учетом краткости текстов американских законов такие толкования становятся основными прикладными регуляторами в тех сферах, которые подсудны системе апелляционных судов. Таким образом, вместо того чтобы просто воспроизводить позиции Верховного суда и отвечать на типовые запросы, например, такими решениями: «Как указано в решении Верховного суда по аналогичному делу...», переправляя все остальное «наверх», апелляционные суды сами стали ключевым творцом права, с которым не всегда может «справиться» даже Верховный суд [6]. Они начали принимать самостоятельные решения, спорить с позициями Верховного суда, обходить его решения и т. п.

Перед тем как перейти к содержательному анализу статистики судебных решений, следует сделать несколько методических замечаний по поводу логики и структуры статистического суждения и вывода. Во-первых, любые мнения, высказываемые на основе некоторой статистической закономерности, всегда носят частичный характер. Иначе говоря, когда мы утверждаем, что А есть В, мы всегда подразумеваем, что в значимо большем числе случаев А есть В, а не что-либо иное, но отнюдь не отрицаем того факта, что в отдельных случаях А может становиться С. Во-вторых, такие суждения всегда носят гипотетический характер.

Это значит, что, когда мы говорим о том, что признак А означает поведение В, мы имеем в виду то, если верны сделанные теоретические допущения и сопоставления, что в значимом большинстве случаев поведение В проявляется себя через признак А. При этом мы несколько не отрицаем, что в отдельных случаях признак А может возникать вне связи с поведением В, а поведение В никак не проявляет себя через признак А. Таким образом, следует четко разделять приводимые ниже данные и интерпретации, которые мы делаем на основе описанной концепции судебных иерархий.

Начать логичнее всего с вопроса о том, кто и по каким поводам обращается в апелляцион-

ные суды. Здесь важно понять, чем ситуация в апелляционном суде отличается от ситуации в суде первой инстанции, так мы поймем, в каких случаях участники стремятся продолжать спор в апелляции, а в каком – удовлетворяются решением арбитражного суда субъекта РФ.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ) и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ).

[2] Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине: Пер. с фр. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Ельцина, 2008.

[3] Верещагин А. Особые мнения в Конституционном суде России // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М.: Статут, 2012.

[4] Соломон П. Советская юстиция при Сталине: Пер. с англ. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Б. Ельцина, 2008.

[5] Титаев К., Поздняков М. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах // Аналитические записки по проблемам правоприменения. Март. СПб.: ИПП ЕУ СПб., 2012.

[6] Cohen J.M. Inside appellate courts: the impact of court organization on judicial decision making in the United States Courts of Appeals. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

[7] Trochev A. Fabricated Evidence and Fair Jury Trials // Russian Analytical Digest. 2006. June 20.

References:

[1] Arbitrazhny'j processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii (ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ) i Federal'ny'j konstitucionny'j zakon «Ob arbitrazhny'x sudax v Rossijskoj Federacii» (ot 28 aprelya 1995 g. № 1-FKZ).

[2] Blyum A., Mespule M. Byurokraticheskaya anarxiya: statistika i vlast' pri Staline: Per. s fr. 2-e izd. M.: ROSSPE'N; Fond El'cina, 2008.

[3] Vereshhagin A. Osoby'e mneniya v Konstitucionnom sude Rossii // Kak sud'i primayut resheniya: e'mpiricheskie issledovaniya prava. M.: Statut, 2012.

[4] Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline: Per. s angl. 2-e izd. M.: ROSSPE'N; Fond B. El'cina, 2008.

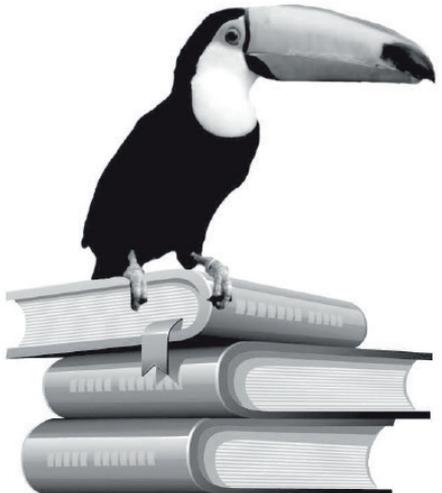
[5] Titaev K., Pozdnyakov M. Poryadok osoby'j – prigovor oby'chny'j: praktika primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva (gl. 40 UPK RF) v rossijskix sudax // Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimeneniya. Mart. SPb.: IPP EU SPb., 2012.

[6] Cohen J.M. Inside appellate courts: the impact of court organization on judicial decision

making in the United States Courts of Appeals. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

[7] Trochev A. Fabricated Evidence and Fair

Jury Trials // Russian Analytical Digest. 2006. June 20.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 19.10.2025 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования
им. К. Д. Ушинского (<https://mipo.online>)¹,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Аннотация. Гражданское общество обретает силу и способность к развитию именно во взаимодействии (диалоге и партнерстве) или противостоянии (конflikте) с государством, что отнюдь не означает, что институты гражданского общества функционируют по своим законам, отличным и не зависящим от национальной системы законодательства, политического режима. Вместе с тем гражданское общество не может оставаться гражданским, если политическими методами в него не привносится порядок. Только государственная власть – государство, управляемое посредством легитимной верховной власти с помощью действующего в стране законодательства, может стать эффективной защитой от несправедливостей самого гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, политический режим, государство, права и свободы человека и гражданина, защита прав, верховная власть.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after
K.D. Ushinsky (<https://mipo.online>), Professor of the
Department of Constitutional and International Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),»
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS BY THE STATE IN RUSSIA

Annotation. Civil society gains strength and ability to develop precisely in interaction (dialogue and partnership) or confrontation (conflict) with the state, which does not mean that the institutions of civil society function according to their own laws, different and independent of the national system of legislation, political regime. At the same time, civil society cannot remain civil if order is not brought into it by political methods. Only state power - a state governed by a legitimate supreme power with the help of the legislation in force in the country - can become an effect a protective defense against the injustices of civil society itself.

Key words: civil society, political regime, state, human and civil rights and freedoms, protection of rights, supreme power.

Без государства (государственных органов и иных институтов государственной власти) не существовало бы гражданского общества (его институтов) в его современном понимании. Гражданское общество обретает силу и способность к развитию именно

во взаимодействии (диалоге и партнерстве) или противостоянии (конflikте) с государством, что отнюдь не означает, что институты гражданского общества функционируют по своим законам, отличным и не зависящим от национальной системы законодательства, политического режима.

¹ Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей, юристов, адвокатов (удостоверения и дипломы государственного образца, ФИС ФРДО). Официальный сайт Института: <https://mipo.online/training>

Вместе с тем гражданское общество не может оставаться гражданским, если политическими методами в него не привносится порядок. Только государственная власть – государство, управляемое посредством легитимной верховной власти с помощью действующего в стране законодательства, может стать эффективной защитой от несправедливостей самого гражданского общества и синтезировать его частные интересы во всеобщее политическое сообщество.²

В сознании российских граждан глубоко укоренилось убеждение в необходимости сильного государства. Государственный склад ума стал отличительной чертой русской ментальности. В своем высказывании А. Грамши отметил данную особенность следующим образом: «На Востоке (и в России) государство было всем, гражданское общество находилось в первичном, аморфном состоянии. На Западе между государством и гражданским обществом были упорядоченные взаимоотношения, и, если государство начинало шататься, тотчас выступала наружу прочная структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, позади которой была прочная цепь крепостей и казематов».

Гражданское общество, думается, можно инициировать «сверху», но нельзя создать директивным указом, ибо в основании гражданского общества заложен динамизм экономики, развивающихся в стране экономических отношений. Динамично-развивающаяся экономика несовместима с тотальной централизацией власти; она более отвечает гражданскому обществу, с его модульными возможностями перекомпоновки своих структурных образований в соответствии с конъюнктурой рынка и рыночных отношений.

Прежде чем анализировать формы взаимодействия гражданского общества и государства в России, обратимся к зарубежному опыту. Современная доминирующая западная концепция гражданского общества определяет его соотношение с государством как формы взаимодействия людей, которые направлены на политическую сферу (выработку общих решений), но в политическую сферу эти формы не включены. Именно так, например, поступает Э. Арато, который вслед за А. де Токвилем различает гражданское и политическое общества, подчеркивая, что «стабилизация демократии и ее будущие перспективы демократизации зависят от развития комплексной и обоюдной связи между гражданским и политическим». Аналогичным образом он проводит различие между экономическим обществом и чисто экономическими ассоциациями, отграничивая то и другое от политического общества, выделяемого на основе прав в области коммуникации, а так-

же от гражданских ассоциаций и движений.

Одновременно с неоконмуитарной концепцией на Западе стала созревать несколько иная вариация соотношения государства и гражданского общества, идеологически представленная в доктрине контрактуализма. Согласно концепциям контрактуализма задача государства состоит в том, чтобы охранять гражданское общество, императивно устанавливая пределы правового пространства функционирования его институтов.³ Однако при таком подходе возникает много актуальных вопросов: кто будет контролировать, насколько хорошо или плохо государство (сторож) охраняет это самое гражданское общество? Как привлечь к ответственности сторожа за невыполнение им своих обязанностей? Кто должен привлекать (насколько он должен быть компетентен в этом вопросе)? Если этот сторож настолько могущественен (государство обладает большим государственно-управленческим аппаратом и финансовыми возможностями), то можно ли с него вообще что-то спросить?

Однако существует и другой подход – возвышения гражданского общества над государством (Т. Пейс и Т. Пейн). Особенно ярко эта позиция выражена Т. Пейсом, для которого государство есть просто необходимое зло, и чем меньше будет сфера его воздействия, тем лучше. В более умеренной форме эта точка зрения характерна для А. Токвиля и Дж. С. Милля. Как представляется С. В. Калашникову, с мнением которого трудно не согласиться, приведенные выше позиции являются крайностями. В реальной жизни государство и общество были и остаются довольно тесно связанными: и в государстве, и в гражданском обществе добро и зло давно перепутаны и взаимопереплетены.

Еще один подход, выражающийся в том, что государство – всего лишь средство («правовой мостик») достижения гражданского общества, нашел свое отражение в высказываниях И. Канта, который главной проблемой для всего человечества считал «достижение всеобщего правового гражданского общества», полагая, что только в обществе, в котором его членам предоставляется величайшая свобода, может быть достигнута величайшая цель природы – развитие всех задатков, заложенных в человеке; при этом природа желает, чтобы этой цели, как и всех других, оно само достигало. «Вот почему такое общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т. е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой за-

2 Семья вызвала к жизни феномен частной собственности, которая обеспечила индивиду статус субъекта. Семьи объединялись в сообщество не по кровнородственному, а по территориальному признаку, на основе рыночных отношений.

3 О различных вариантах теории контрактуализма, представленных в исследованиях Дж. Роулса и Н. Лумана, часто говорят как о самой крупной в XX столетии попытке вернуть к активной жизни идею социального контракта, которая до недавнего времени представляла для многих идеологов лишь исторический интерес.

дачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода.»

Ведя речь о свободе, И. Кант уделяет особое внимание праву, без которого гражданское общество не может существовать и полноценно развиваться, а также государству, призванному упорядочить возникающие внутри него общественные отношения путем установления (принятия) законов. Как верно отмечает Е.С. Строев, анализируя наследие И. Канта, посвященное гражданскому обществу, эффективное государство, способное отвечать на вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня, немыслимо без той обширной совокупности социальных связей, которую ученые называют «гражданским обществом»: «Мы, практики государственного управления, обычно понимаем под гражданским обществом систему негосударственных социальных институтов и отношений, являющихся продуктом свободной, добровольной деятельности людей и групп и служащих для реализации как частных, так и групповых интересов и потребностей».

Категория «гражданское общество», отличная от понятий государства, семьи, племени, нации, религиозной и других общностей, обстоятельно разработана в «Философии права» Гегеля, который, с одной стороны, критически воспринимает ранее проработанное предшественниками, а с другой – вносит принципиально новые элементы в рассмотрение диалектики оппозиции «гражданское общество – государство», формулируя основы этатистской теории гражданского общества и доказывая, что государство является гарантом гражданского общества.

Интерес Гегеля к правовой проблематике институционализации гражданского общества ярко выражен в концептуальном постижении целостного развития идеи свободного духа в бытии личности. В общей мировой схематике, включающей стадии развития абсолютной идеи, природы и духа, право относится к последнему члену «супертриады». В свою очередь, эволюция духа раскладывается на ступени субъективного, объективного и абсолютного духа, каждая из которых развивается по тому же триадическому принципу. Вторая ступень, т. е. объективный дух, дает триаду права: право в узком смысле (абстрактное право), моральность и нравственность. Действительность права – это мир восхождения нравственности к самой себе через абстрактное право и моральность. Абстрактное право охватывает значительную часть вопросов цивилистики (собственность, договор), а также преступления и наказания («неправо»). Моральность начинается с субъективной стороны состава преступления (умысел и вина) и переходит в аксиологические категории, традиционно рассматриваемые в философии морали (намерение и благо, добро и совесть). К завершающей стадии, нравственности, относятся семья, гражданское общество и государство.

У Гегеля гражданское общество находится где-то «посредине между семьей и государством»; последнее определяется как «политическое тело» и как бы опекает гражданское общество. Государство представляет собой более высокую ступень, нежели институты гражданского общества. Примерно таков же подход к данной проблеме И. Бентама, Ж. Сисмонди, Л. фон Штейна. Но существует и другая тенденция – возвышение гражданского общества над государством (Т. Спенс, Т. Ходжскин, Т. Пейн). Она особенно ярко выражена Т. Пейном, для которого государство есть просто необходимое зло, и чем меньше сфера его воздействия, тем лучше. В умеренной форме эта позиция характерна также для А. Токвиля и Дж. С. Милля.

Обе названные позиции все же являются крайностями, и в них упускаются различные аспекты (материальный и даже этический) взаимодействия общества и государства (что подчеркивают отечественные авторы, в частности С. Перегудов), хотя само разделение государства и гражданского общества как неких идеал-типов эвристически полезно.

Во-первых, генетически: в европейской истории гражданское общество и государство взаимно создавали друг друга. Так, королевская власть способствовала автономии городов, а гражданское общество было одним из главных факторов строительства демократического государства. Во-вторых, в смысле корреляции друг с другом. Ибо не только гражданское общество осуществляло действенный контроль над государством (в том числе демократическим), но и государство умеряло частные или корпоративные интересы гражданского общества. Обе функции были равно необходимы.

Своеобразным продолжателем гегелевской этатистской традиции стал К. Маркс, который аргументировал неизбежный распад буржуазного гражданского общества. Закономерность этого распада продиктована бесперспективностью капиталистического пути, который к середине XIX в. стал тормозом развития производства. В период своего перехода от гегельянства к материализму К. Маркс, критикуя подход Гегеля, писал: «В действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства, именно они являются подлинно деятельными; в спекулятивном же мышлении все это ставится на голову». Причем для марксизма характерна экстраполяция подобных представлений о месте и значении гражданского общества в его соотношении с государством на все предшествующие эпохи. «Гражданское общество, – подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, – обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торгово-промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и наций, хотя, с другой стороны, оно

опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства».

Гражданское общество можно инициировать сверху, но нельзя создать директивным указом, ибо в основании гражданского общества заложен динамизм экономики. Правда, это рождает иллюзию того, что авторитарной системе все подвластно, что на базе абсолютного управления экономикой и рыночными отношениями якобы можно создать и гражданское общество. По форме, может быть, и можно, но только не по содержанию.

В истории становления и развития этого тандема можно выделить этапы, где принцип паритета и форма мирного сосуществования уступали место принципу приоритета и форме экспансии по отношению к другому. В историческом плане равновесие скорее исключение, чем правило. Индустриальный тип общества, основанный на базе материального производства и рынка, оптимально может существовать и развиваться только на основе заявленного симбиоза государства и гражданского общества. Если институт государства блокирует возможности этого тандема, подрывает устои гражданского общества, то реальностью становится модель тоталитарного режима.

Гражданское общество заявляет о себе как естественная форма оппозиции авторитету власти. Нормой гражданского общества является подчинение индивида договорным отношениям. Только в гражданском обществе индивид обретает статус субъекта свободы, освобождаясь от статуса быть заложником чужой политической воли, объектом манипулирования. При всей кажущейся предпочтительности гражданского общества по сравнению с государством нужно исходить не из абстрактных пожеланий сделать общественную жизнь более человеческой, а принимать во внимание законы истории и специфику развития конкретного общества.

Гражданское общество возникает там и только тогда, где и когда институт государства не в состоянии оптимально выполнять функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса и мировоззренческого плюрализма, где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом, сдерживать его стремление к монополии, противостоять превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения.

В условиях становления и развития новоевропейской цивилизации вполне реален подданный государства, который, принимая нормы общественного порядка, оказывается между волевым императивом прав человека и управленческой

целесообразностью бюрократии. Воля «винтика» входит в противоречие с волей «госмашины», когда в повседневности права отдельного человека нарушаются ради сохранения конституционных прав абстрактного человека. И только через гражданское общество открывается возможность если не преодолеть отмеченное противоречие, то хотя бы сгладить его остроту.

Гражданское общество и государство выступают как институты культуры, и поэтому проблемы их развития необходимо рассматривать в культурном контексте. Культура вообще и правовая, политическая культура в частности – необходимое условие создания и развития гражданского общества и государства. Политическая трансформация государственности, становление общества должны происходить на основе правовой культуры, выражать ее суть.

Положение о производном характере государственной власти нашло свое законодательное закрепление в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ 1993: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Однако приведенная формулировка представляется недостаточно корректной. Существует два вида публичной власти – государственная власть и самоуправление (которое во многих своих проявлениях похоже на государственную власть). Но если в государственной власти выражается воля всего народа, всего государства, то в местном самоуправлении реализуется власть лишь местного населения. Поэтому, как верно указывает В.Н. Влазнев, нельзя говорить, что через органы местного самоуправления народ (понимаемый как единый российский народ) осуществляет свою власть. Но вершиной творчества в данной сфере, вероятно, мог бы стать раздел «Гражданское общество» в Конституции РФ, проект которой обсуждался в 1991–1993 гг. Этот раздел предусматривал главы: «Собственность, труд, предпринимательство», «Общественные объединения», «Религиозные объединения», «Средства массовой информации» и др. Так или иначе, данный конституционный проект был интегрирован в другой, ставший основой Конституции РФ 1993 г., но без раздела «Гражданское общество». Тогдашние лидеры конституционной реформы пришли к выводу, что этот раздел усложняет и утяжеляет содержание проекта.

Конституция РФ 1993 г. дает следующую основу для взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества:

- народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления (ч. 2 ст. 3);

- государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10);

- в Российской Федерации признается и га-

рантируется местное самоуправление (ст. 12, 130–132).

Так, Н.И. Матузов считает, что словосочетание «гражданское общество» условно, поскольку «негражданского», а тем более «антигражданского» общества не существует. Любое общество состоит из граждан и без них немислимо. Только догосударственное, нецивилизованное (родовое) общество нельзя было назвать гражданским: во-первых, в силу незрелости, примитивности, неразвитости; во-вторых, потому, что в то время не было понятий «гражданин», «гражданство». Гражданское общество – это наиболее высокая ступень в развитии социальной общности, мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности. Гражданское общество начинается с граждан, с их свободы. Такая трактовка понятия гражданского общества, по мнению автора, отражает его истинную сущность и природу. Отсюда следует вывод: чем более развиты и демократичны государственно-правовые институты, чем гуманнее правовой статус личности, тем в большей мере общество может претендовать на право называться гражданским. Однако Н.И. Матузов считает, что гражданское общество – это совокупность внешнегосударственных и внешнеполитических отношений (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, семейных, религиозных), образующих особую сферу специфических интересов свободных индивидов-собственников и их объединений.

Думается, это не вполне правильно. Гражданское общество есть категория, которой свойственна негосударственная природа, выраженная в интеграции добровольных общественных образований – союзов, ассоциаций, движений, фондов, клубов, местного самоуправления, общественных организаций, создаваемых непосредственно гражданами в целях защиты своих прав и законных интересов независимо от воли государства, но функционирующих в соответствии с принципами конституционного строя. Разумеется, негосударственные структуры тесно взаимодействуют с государством и его органами.

Список литературы:

- [1] Грамши А. Избр. соч.: В 3-х томах. М., 1957. Т. 3. С. 200.
- [2] Правовые основы взаимосвязи гражданского общества и государства. М., 1997. С. 195.
- [3] Арато Э. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание и направления для дальнейших исследований // Полис. 1995. № 3. С. 50, 51.
- [4] Кулиев М.Р. Гражданское общество и право: опыт теоретического исследования: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 110.
- [5] Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995. С. 59.
- [6] История политических и правовых учений.

М., 1997. С. 421–423.

[7] Калашников С.В. Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 29.

[8] Кант И. Соч. в 6-ти томах. Т. 6. М., 1963–1966. С. 5; Он же. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Философия истории: Антология. М., 1995. С. 61, 62.

[9] Влазнев В.Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 125.

[10] Строев Е.С. Выступление на Общественном форуме, организованном независимой ассоциацией «Гражданское общество» и Национальным фондом «Общественное признание» // В кн.: Абакумов С.А. Указ. соч. С. 206.

[11] Хесле В. Гении философии Нового времени. М., 1992. С. 137.

[12] Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 22.

[13] Мальковский Б.С. Учение Гегеля о государстве и современность. М., 1989. С. 13.

[14] Гегель Г.В.Ф. Философия права. Сочинения. Т. VII. М., 1934. С. 211.

[15] Перегудов С. Гражданское общество в политическом измерении // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12. С. 4.

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 224.

[17] Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / Отв. ред. В.Г. Хорос. Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 6, 7.

[18] Баранов П.П. –Указ. соч. С. 90, 91.

[19] Влазнев В.Н. Указ. соч. С. 106.

[20] Хлопин А. Указ. соч.

[21] Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 84, 85.

References:

- [1] Gramsci A. Selected Works: In 3 volumes. Moscow, 1957. Vol. 3. P. 200.
- [2] Legal Foundations of the Relationship between Civil Society and the State. Moscow, 1997. P. 195.
- [3] Arato E. The Concept of Civil Society: Rise, Decline, and Reconstruction, and Directions for Further Research // Polis. 1995. No. 3. Pp. 50, 51.
- [4] Kuliev M.R. Civil Society and Law: An Experience of Theoretical Research: Diss. ... Doctor of Law. Moscow, 1997. P. 110.
- [5] Vityuk V.V. Formation of the Idea of Civil Society and Its Historical Evolution. M., 1995. P. 59.
- [6] History of Political and Legal Doctrines. M., 1997. Pp. 421–423.
- [7] Kalashnikov S. V. Constitutional Foundations of the Formation of Civil Society in the Russian

Federation: Diss. ... Doctor of Law. M., 2001. P. 29.

[8] Kant I. Works in 6 volumes. Vol. 6. M., 1963–1966. P. 5; Ibid. The Idea of General History in a Universal-Civil Plan // Philosophy of History: Anthology. M., 1995. Pp. 61, 62.

[9] Vlaznev V. N. Civil Society as a Subject of Constitutional-Legal Research: Diss. ... Cand. Law. M., 2002. P. 125.

[10] Stroyev E.S. Speech at the Public Forum organized by the independent association «Civil Society» and the National Foundation «Public Recognition» // In the book: Abakumov S.A. Op. cit. P. 206.

[11] Hesle W. Geniuses of Modern Philosophy. M., 1992. P. 137.

[12] Baranov P.P. Institutions of Civil Society in the Legal Space of Modern Russia: Diss. ... Cand. of Law. Rostov-on-Don, 2003. P. 22.

[13] Malkovsky B.S. Hegel's Doctrine of the State and Modernity.

M., 1989. P. 13.

[14] Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Works. Vol. VII. M., 1934. P. 211.

[15] Peregudov S. Civil Society in the Political Dimension // World Economy and International Relations. 1995. No. 12. P. 4.

[16] Marx K., Engels F. Works. Vol. 1. P. 224.

[17] Civil Society. World Experience and Problems of Russia / Ed. V.G. Khoros. Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Editorial URSS, 1998. Pp. 6, 7.

[18] Baranov P.P. – Op. cit. Pp. 90, 91.

[19] Vlaznev V.N. Op. cit. P. 106.

[20] Khlopin A. Op. cit.

[21] Matuzov N.I. Civil society: essence and basic principles // Jurisprudence. 1995. No. 3. P. 84, 85.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 12.14.2025 г.

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»,
доктор юридических наук, доцент
e-mail: selir07@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ИНЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Аннотация. Для выработки наиболее эффективных мер противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних и другим негативным явлениям в этой области общественных отношений важно обращаться к урокам прошлого. В материале на основе анализа различных нормативно-правовых и литературных источников показаны отдельные аспекты правового регулирования и практики борьбы с незаконным изготовлением и продажей спиртосодержащей продукции в годы становления молодой Советской Республики. Исследования правовых норм и документальных источников, посвященных уголовно-правовым и иным мерам борьбы с незаконным оборотом алкогольной продукции в ретроспективном аспекте необходимо для сравнения качественных показателей по этому вопросу, а также анализа нормативных положений законодательства, изменяющегося на фоне построения новой государственности. В материале рассмотрены объективные признаки преступлений, которые являлись определяющими при оценке деяний, запрещенных под страхом применения уголовных наказаний. Постреволюционный опыт борьбы с незаконным изготовлением, хранением, продажей спиртных напитков показывает, что уголовное законодательство закрепляло разнообразные виды наказаний за совершение таких деяний, включая применение высшей меры социальной защиты. Также в материале рассмотрены некоторые вопросы учета субъективных данных при определении вида наказания.

Ключевые слова: уголовно-правовые меры, борьба с пьянством, незаконная продажа алкоголя, постреволюционные события, наказания.

SHAIKHULLIN Marat Selirovich,
Professor, Department of Criminal Law and Criminology,
FSKEI HE «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia»
Doctor of Law, Associate Professor

CRIMINAL LAW AND OTHER MEASURES TO COMBAT ILLICIT TRAFFICKING IN ALCOHOLIC BEVERAGES AFTER THE 1917 REVOLUTION

Annotation. In order to develop the most effective measures to counter the spread of alcohol among minors and other negative phenomena in this area of public relations, it is important to refer to the lessons of the past. The material, based on an analysis of various regulatory and literary sources, shows certain aspects of legal regulation and the practice of combating the illegal manufacture and sale of alcohol-containing products during the formation of the young Soviet Republic. Studies of legal norms and documentary sources devoted to criminal law and other measures to combat illicit trafficking in alcoholic beverages in a retrospective aspect are necessary to compare qualitative indicators on this issue, as well as to analyze the regulatory provisions of legislation changing against the background of building a new statehood. The material examined the objective signs of crimes that were decisive in assessing acts prohibited under pain of criminal punishment. Post-revolutionary experience in combating the illegal manufacture, storage, sale of alcoholic beverages shows that the criminal law enshrined various types of punishments for committing such acts, including the use of the highest measure of social protection. Also, the material considers some issues of taking into account subjective data when determining the type of punishment.

Key words: criminal legal measures, combating drunkenness, illegal sale of alcohol, post-revolutionary events, punishments.

Проблематика пьянства, алкоголизма, распространения алкогольной продукции среди несовершеннолетних не снижает степень своей актуальности. Меры борьбы с такими негативными явлениями, правонарушениями и преступлениями существовали в разные исторические периоды развития Российской государственности. Не исчерпали свою значимость эти вопросы и в наше непростое время. Органами публичной власти предпринимаются различные меры по противодействию распространения алкоголя среди несовершеннолетних, снижению потребления алкогольных напитков и спиртосодержащей продукции взрослыми людьми. Правительством Российской Федерации утверждена Концепция сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу [1].

Для выработки наиболее эффективных мер противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних и другим негативным явлениям в этой области общественных отношений следует обратиться к урокам прошлого. Важно проанализировать историко-правовые аспекты противодействия пьянству, продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, фактам чрезмерного употребления алкоголя в условиях формирования будущего развитого цивилизованного общества. Такие вечные вопросы, как чрезмерное употребление алкоголя, распространение его в среде лиц, не достигших совершеннолетия, последствия алкогольной зависимости и как следствие совершение правонарушений и преступлений требуют решений и адекватных мер реагирования с учетом истории правового регулирования этих вопросов, тех наиболее эффективных мер уголовно-правового и иного воздействия, которые предпринимались советской властью после распада монархической России.

После прихода к власти большевиков, борьба с незаконным изготовлением спиртных напитков, пьянством, алкоголизмом и проч. имела не только практическую сторону, но и характеризовалась информационно пропагандистской работой, поэтому в печати звучали самые различные лозунги, типа «На борьбу с алкоголем», «Алкоголь – самый темный и страшный враг светлой человеческой мысли», «Алкоголь активный соучастник преступлений» и др. Информационная работа среди населения играла определенное воздействие на сознание людей, однако в нарождающемся социалистическом обществе, наибольший эффект удалось достичь в результате обновления правовых актов, издания постановлений и приказов. Применялись и мягкие меры воздействия, и строгие виды наказаний за деяния, совершаемые в области незаконного оборота алкогольной продукции.

Сразу после октябрьских событий 1917 года, Петроградский ВРК издал приказ, запрещающий производство алкоголя. Всем производителям

алкогольной продукции предписывалось сообщать о месте хранения (складирования) алкогольных напитков. За неисполнение данного приказа виновные должны быть преданы военно-революционному суду.

Согласно Положению, ВЦИК о революционных военных трибуналах [2], такие органы рассматривали дела о совершении различных преступлений. Необходимо отметить, что допуск для участия адвокатов в защите происходил по усмотрению трибунала, что означало рассмотрение дела без участия защитника, а иногда даже без государственного обвинителя. То есть если производитель продукции, не важно была она алкогольной или нет, скрывал место хранения продуктов, товаров народного потребления, то в отношении него мог быть постановлен обвинительный приговор с назначением практически всех известных современному уголовному праву наказаний – штраф, ограничение свободы (с поправкой на политические права) на определенный срок, лишение свободы, расстрел. Между тем революционные военные трибуналы могли приговаривать и к более мягкому виду наказания – выговору. Однако, как представляется, в условиях нарастающей нехватки продовольствия в стране, применение такого мягкого вида наказания могло применяться, что называется к «своим». Между тем, как показывает история методы дознания и следствия, были таковы, что «свои» легко становились чужими.

В обращении к населению В. И. Ленин пишет: «Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяных, хулиганов...» [3, с. 52]. Партийная элита большевиков, отдавала себе отчет в том, что пьянство разлагает морально-нравственные устои общества, негативно сказывается на состоянии дисциплины в армии. Что касается несовершеннолетних, то, разумеется, их хотели отвратить от употребления спиртных напитков, изменить сознание детей, посредством принятия конкретных мер воспитательного характера. На местном уровне создавались специальные комиссии по вопросам алкоголизма, а также комиссии по делам несовершеннолетних [4, с. 126]. Между тем возрастающий уровень беспризорности и совершения преступных деяний несовершеннолетними отодвигало на второй план факторы употребления ими спиртных напитков, курения табака, поскольку по этим вопросам с детьми в основном велась воспитательная работа. Важно было другое – не допустить разрастания детской преступности. Прав А.И. Бадретдинов отмечая, что реализация этих преобразований осуществлялась в чрезвычайно сложных условиях [5, с. 48]. Эти сложности пытались преодолеть за счет введения правовых актов, регулирующих вопросы социального обеспечения несовершеннолетних. 14 января 1918 года был издан Декрет «О комиссиях для несовершеннолетних». Данный де-

крет отменял последствия деяний, совершенных малолетними, предоставлял полномочия комиссиям пересматривать дела о преступлениях, совершенных до введения данного правового акта [6, с. 213]. Вместе с тем проблема распространения спиртосодержащей продукции сохранялась, а алкогольное опьянение рассматривалось во взаимосвязи с совершением правонарушений и преступлений.

Так, по исследованиям М.Н. Гернета, в 1912 г. в Пензенской губернии более половины всех преступлений совершалось в пьяном виде. В состоянии алкогольного опьянения было совершено: изнасилований – 67,5%, грабежей и разбоев – 77,6%, причинения телесных повреждений – 78,6% [7]. Такое положение дел не могло оставлять в стороне вопрос о борьбе с пьянством и алкоголизмом, в аспекте детерминации преступности. К тому же большевики понимали такую детерминацию во взаимосвязи трех элементов: алкогольное состояние; совершение преступления; выгода от такого преступления противникам новой власти [8, с. 17]. При определении вида наказания делалось различие между субъектами преступления в том смысле, что учитывалась принадлежность к имущему или неимущему классу, когда бы последний из состояния голода или нужды, совершил преступление. При назначении наказания имело значение, совершено ли было деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса, или в личных интересах [9]. А.Л. Афанасьев отмечает, что в дни революционных потрясений 1917 года в Петрограде прокатилась волна погромов. «Попытки разгромов винных погребов, квартир и проч. будут прекращены пулеметным огнем без всякого предупреждения [10, с. 135]. В связи с этим, Петроградский СРиСД заслушав доклад о пьянстве и погромах, постановил: предотвратить погромы, используя военные силы, а лиц, участвующих в пьянстве и погромах винных погребов разоружить и арестовать [11, с. 140]. Между тем современные исследователи отмечают, что население продолжало пить, а «черный люд» покупал денатурат и травился, поскольку бутылка приличной водки обходилась в месячную зарплату рабочего [12].

9 мая (26 апреля) 1918 года Свердлов и Ленин подписали Декрет, предоставлявший Народному комиссару продовольствия специальные полномочия, по сути, применять уголовно-правовые и процессуальные меры с передачей судам лиц, укрывающих продовольствие. По данному декрету самогонщики объявлялись врагами народа. К таким лицам предписывалось применять наказания в виде тюремного заключения на срок не менее 10 (десяти) лет с конфискацией имущества. Также применялись наказания в виде принудительных общественных работ и «изгнание из общины навсегда» [13, с. 57]. Так, Вяземская Чрезвычайная Комиссия предупреждала лиц, занимающихся самогонварением о том, что при

обнаружении таковой виновные будут приговариваться к расстрелу. По результатам совещания представителей от НКЮ, прошедшего 23 июля 1919 года был составлен проект «Карательных правил для борьбы с тайным винокурением и корчемством, вином» [14, с. 114], который предполагал установление запретов на изготовление спиртных напитков в кустарных условиях, без соответствующего разрешения. Власти были озабочены угрожающими последствиями кустарного производства спиртных напитков, как с позиции контроля за производством такой продукции, так и в аспекте криминологических последствий незаконного оборота алкогольной продукции. В мероприятия по борьбе с незаконным изготовлением и продажей алкоголя предлагалось активно привлекать общественность.

В декабре 1919 года было издано постановление СНК РСФСР, согласно которому устанавливался запрет на изготовление без разрешения спирта и других крепких напитков. Постановление было достаточно объемным и подробно закрепляло различные вопросы оборота алкогольной продукции в постреволюционный период. В частности, регламентировалась крепость алкогольных напитков. Статья 8 данного нормативного акта предусматривала, что за изготовление спирта в «недозволенных местах» вне зависимости от использования продуктов, способов, количества спирта, его крепости, виновные лица могли подвергаться конфискации оборудования и материалов, конфискации нажитого имущества и лишению свободы на срок не ниже 5 лет. Причем лишение свободы сопровождалось дополнительным наказанием в виде принудительных работ [15, с. 4]. Этой же нормой предусматривалась ответственность за соучастие в преступлении.

Специально выделялось соучастие в виде пособничества. Такое регулирование соучастия охватывало собой деяние, выраженное в действиях по продаже, передаче, приобретению, хранению, проносе и провозе незаконно изготовленного спирта. Для лиц, которые были признаны виновными в изготовлении оборудования, предназначенном для производства спирта, предусматривались более мягкие виды наказаний: лишение свободы с принудительными работами на срок не менее одного года. Такое же наказание предусматривалось за распитие незаконно изготовленных спиртных напитков в публичных местах, появление в состоянии опьянения. Дознание по таким делам производилось органами милиции, а также инспекцией косвенных налогов и инспекцией Управления государственными заводами винокуренной промышленности, а также привлекались представители народного комиссариата продовольствия. Причем участие представителей таких органов власти разграничивалось в порядке компетенции, как на стадии расследования уголовного дела, так и на стадии

рассмотрении дела в народном суде. По фактам выявления незаконного изготовления спиртных напитков предписывалось процессуальные действия осуществлять в безотлагательном порядке. Достаточно подробно регламентировались условия занесения информации в протокол осмотра: время и место совершения преступления, когда, где и кем было обнаружено нарушение, в чем состоит суть нарушения, фамилию имя и отчество, возраст и другие данные обвиняемого. Детально записывались данные о свидетелях, понятых, других участниках осмотра – специалистах, которые разбираются в вопросах оборудования для изготовления спирта. В целях соблюдения принципа законности предусматривалось на месте брать с обвиняемого объяснение по факту совершения преступления. Должностные лица должны были досконально описать вещественные доказательства, какие предметы были изъяты и куда они сданы на хранение. Что касается рассмотрения таких дел в суде, то их предполагалось рассматривать вне очереди и по возможности за один день. В. И. Ленин отмечал, что для развития новой экономики необходимо дать свободу торговли крестьянству, однако «...мы не позволим торговать сивухой. За это мы будем карать» [16, с. 120]. В целом можно судить о некоторых расхождениях между тем, какие были установлены виды наказаний за самогонование и проч. и тем, какую общественную опасность представляли люди, занимающиеся незаконным изготовлением алкоголя. Если обратиться к Декрету «О Суде» 1917 г., то местным судам не подсудны были дела, связанные с незаконными изготовлением и обращением алкогольной продукции, поскольку согласно пункта 8 этого декрета, такие уголовные дела могли относиться к подсудности Революционных трибуналов [17] т.к. в их компетенции было рассмотрение дел о «прочих злоупотреблениях торговцев». Между тем, принятый в 1922 году Уголовный кодекс РСФСР закреплял достаточно мягкие санкции за приготовление с целью сбыта алкогольной, спиртосодержащей продукции, включая их незаконное хранение. За совершение таких деяний предусматривалось наказание в виде принудительных работ на срок до 1 года с конфискацией имущества (ст. 140) [18]. Наказание в виде лишения свободы назначалось за нарушение правил торговли продуктами питания (ст. 141). Но такое преступление, как представляется, не всегда охватывало собой деяния, которые могли квалифицироваться, как сбыт спиртосодержащей продукции в условиях легальной продажи продуктов питания. Впрочем, такая форма торговли существовала задолго до установления в России советской власти и дошла до наших дней в несколько измененном виде.

В заключение необходимо выделить ряд принципиальных моментов, касающихся темы настоящего исследования. Во-первых, ретроспективный анализ уголовного противодействия

незаконному обороту алкогольной продукции после революции 1917 года необходим для получения новых знаний о явлениях и процессах, происходивших в связи с фундаментальным изменением государственности, регулированием общественных отношений на основе конституции и законодательства. Во-вторых, после событий 1917 года, отношение властей к распространению спиртосодержащей продукции, в правотворческом аспекте, характеризовалось установлением как мягких, так жестких видов уголовных наказаний вплоть до применения высшей меры социальной защиты. В-третьих, наиболее строгое наказание было предусмотрено за «сокрытие мест производства и хранения алкогольной продукции. Меры уголовно-правового характера и лишение свободы могли применяться за продажу спиртосодержащей продукции, изготовленной в кустарных условиях, что объявлялось незаконным. В первые годы советской власти еще как следует, не был урегулирован вопрос об уголовной и иной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Такая ответственность без соответствующих признаков охватывалась составом преступления, предусматривающим нарушение правил в сфере торговли продуктами питания. В-четвертых, упразднение присяжной адвокатуры не лучшим образом сказалось на рассмотрении дел, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции, поскольку участие защитника в делах подсудных революционным военным трибуналам отдавалось на откуп судебному усмотрению. В-пятых, через 5 лет после революционных событий 1917 года, когда был принят Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., санкции за совершение деяний, выражающихся в изготовлении, хранении и продаже алкогольной продукции были существенно смягчены. Вместе с тем, применение жестких мер уголовно-правового характера, видов уголовной ответственности, после событий 1917 года было связано не столько с фактами незаконного изготовления спиртосодержащих напитков, сколько вызвано обстоятельствами материально-финансового характера, когда требовалось стабилизировать обстановку прежде всего в городах на фоне жесточайшего противостояния между сторонниками и противниками новой власти.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 11.12.2023 № 3547-р «Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 51. Ст.9435.

[2] Положение ВЦИК о революционных военных трибуналах // Подлинник, в протоколе Президиума ВЦИК № 67 от 20 ноября; гербовая печать: Российская Социалист. Федерат. Сов. Республ. Всероссийск. Центр. Исполн. Комитет Советов

раб., крест., казач. и красноарм. деп. ЦГАОР, ф. 1235, оп. 36, ед. хр. 65, лл. 275—281 // Собрание Узаконений. № 58. Ст. 549.

[3] Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению. Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. 626 с.

[4] Беженцев, А. А. Административно-правовые запреты на продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: от истории к современности / А. А. Беженцев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 4(94). – С. 126-132. – EDN WRKVCH.

[5] Бадретдинов, А. И. Исторический аспект уголовно-правового регулирования незаконного оборота алкогольной продукции в Советский период / А. И. Бадретдинов // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.008. – EDN XANYIB. С. 48.

[6] Бадретдинов, А. И. К вопросу о совершенствовании правового регулирования защиты несовершеннолетних от негативного воздействия алкоголя / А. И. Бадретдинов, М. С. Шайхуллин // Международный научный вестник. – 2025. – № 5. – С. 213-218. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-5-213-218. – EDN JUUZSM.

[7] Гернет М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств) / М.Н. Гернет. – М.: Изд. ЦСУ. 1922. 264 с. В работе Колемасов В.Н. Борьба с пьянством и алкоголизмом в России в 1917-1930 годах // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4, № 2. – Эл.издание

[8] Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 17. 365 с.

[9] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1919. № 66. Ст.590.

[10] Афанасьев А.Л. В.И. Ленин и борьба за трезвость // Наш современник. 1988. № 4. С. 133-138.

[11] Троцкий, Л. Д. Сочинения. - М.; Л., 1925. – Т. 3. 1917. Часть 2. От Октября до Бреста. – С. 140–141.

[12] Филиппов А. Как первый в России сухой закон приблизил революцию // Российская газета. 2019. 15 февр.

[13] Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов, 9 мая 1918 г. О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917-1928 гг. – М.: Политиздат, 1967. (204). С. 55-57.

[14] Пархоменко А.Г. Государственно-право-

вые мероприятия в борьбе с пьянством в первые годы Советской власти // Советское государство и право. 1984. № 4. С. 112-116.

[15] Постановление Совета Народных Комиссаров. О воспрещении на территории Р.С.Ф.С.Р. изготовления и продажи спирта, крепких напитков и неотносящихся к напиткам спиртосодержащих веществ. 19 декабря 1919 года // Распубликовано в № 1 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 1 января 1920 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 1 января 1920 года, № 1. (2). С. 2-4.

[16] Полное собрание сочинений, Ленин. Март 1922 - март 1923. – М.: Изд-во Политической литературы, 1970. – 729 с.

[17] Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. Т 4. Ст.50.

[18] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80. Ст.153.

References:

[1] Order of the Government of the Russian Federation of 11.12.2023 No. 3547-r «On approval of the Concept for reducing alcohol consumption in the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future «//Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 51. St.9435.

[2] Regulation of the All-Russian Central Executive Committee on Revolutionary Military Tribunals//Original, in the protocol of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee No. 67 of November 20; stamp: Russian Socialist. Feds. Owls. Respuble. All-Russian. Center. Executive. Committee of Soviets slave., Cross., Cossack. and the Red Army. dep. TsGAOR, f. 1235, op. 36, units cr. 65, ll. 275-281//Collection of Legalizations. № 58. Art. 549.

[3] Address of the Chairman of the Council of People's Commissars to the population. Decrees of Soviet power. T.I. M., State. Publishing House of Political Literature, 1957. 626 p.

[4] Bejenchev, A. A. Administrative and legal prohibitions on the sale of alcoholic beverages to minors: from history to the present/A. A. Refugees// Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 4(94). - S. 126-132. – EDN WRKVCH.

[5] Badretdinov, A. I. The historical aspect of the criminal law regulation of illegal circulation of alcoholic beverages in the Soviet period/A. I. Badretdinov // Law and statehood. – 2025. – № 1(6). - S. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.008. – EDN XANYIB. S. 48.

[6] Badretdinov, A. I. On the issue of improving the legal regulation of the protection of minors from the negative impact of alcohol/A. I. Badretdinov, M. S. Shaikhullin//International Scientific Bulletin. –

2025. – № 5. – S. 213-218. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-5-213-218. – EDN JUUZSM.

[7] Gernet M.N. Moral Statistics (Criminal and Suicide Statistics)/M.N. Gernet. – M.: Ed. CSO. 1922. 264 p. In the work of Kolemasov V.N. The fight against drunkenness and alcoholism in Russia in 1917-1930//Science. Society. State. 2016. VOL. 4, NO. 2. – Electronic publication

[8] Malkov P.D. Notes of the Kremlin commandant. M., 1987. S. 17. 365 s.

[9] Guiding principles on the criminal law of the RSFSR. Resolution of the NKVD of December 12, 1919//Collection of legalizations and orders of the worker and peasant government. 1919. № 66. Article 590.

[10] Afanasyev A.L. V.I. Lenin and the struggle for sobriety//Our contemporary. 1988. № 4. S. 133- 138.

[11] Trotsky, L. D. Works. – M.; L., 1925. – VOL. 3. 1917. Part 2. From October to Brest. – S. 140-141.

[12] Filippov A. How the first prohibition in Russia brought the revolution closer//Rossiyskaya Gazeta. 2019. Feb. 15

[13] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossack Deputies, May 9, 1918, On granting the People's Commissar of Food extraordinary powers to combat the village bourgeoisie harboring grain reserves and speculating

with them//Decisions of the party and government on economic issues. In 5 vols.: Sat. doc. for 50 years. VOL. 1. 1917-1928 – M.: Politizdat, 1967. (204). S. 55-57.

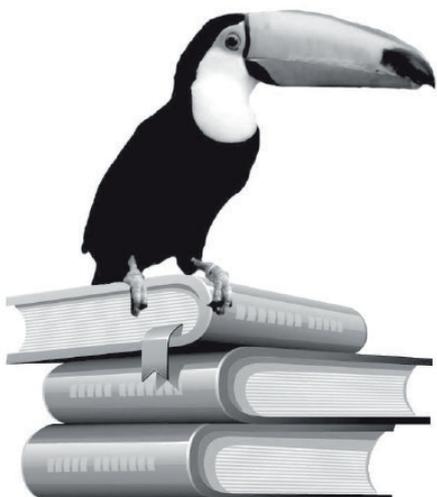
[14] Parkhomenko A.G. State legal measures in the fight against drunkenness in the first years of Soviet power//Soviet state and law. 1984. № 4. S. 112-116.

[15] Resolution of the Council of People's Commissars. On the prohibition on the territory of the R.S.F.S.R. of the manufacture and sale of alcohol, spirits and alcohol-containing substances not related to drinks. December 19, 1919//Published in No. 1 of Izvestia of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of January 1, 1920//Izvestia of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of January 1, 1920, No. 1. (2). S. 2-4.

[16] Complete Works, Lenin. March 1922 – March 1923. – M.: Publishing House of Political Literature, 1970. – 729 s.

[17] Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of the 24.11.1917 « On the Court «// Collection of legalizations of the RSFSR. 1917. T 4. Article 50.

[18] Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic of 1922//Collection of legalizations and orders of the RCP of the RSFSR. 1922. № 80. Article 153.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научном сетевом журнале «Московский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@mipo.online или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и

степени ее научной разработанности), указание на **цель и задачи** данной статьи, обозначение использованных методов, представление **результатов**, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей/

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, chatGPT, Deepseek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

**МОСКОВСКИЙ
НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК**

№ 4

(ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

2025 ГОД

Сдано в набор 16.12.2025. Подписано в печать 24.12.2025.
Формат 60x90/8. Печ. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ № 9.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.